

НАШИ • ТАМ

МИХАИЛ ГУТКИН

ИНСТРУКТОР
ОМСБОН

Попадать, так с музыкой

Михаил Гуткин

Инструктор ОМСБОН

«Центрполиграф»

2012

Гуткин М.

Инструктор ОМСБОН / М. Гуткин — «Центрполиграф»,
2012 — (Попадать, так с музыкой)

Если бы год назад кто-то сказал московской студентке Анне, что вместо обычной поездки к бабушке она окажется в центре военных действий в Белоруссии 41-го, девушка только покрутила бы пальцем у виска. А сейчас лейтенант НКВД Северова уже свыклась новой реальностью. Став порученцем легендарного Жукова, первые дни войны Анна встретила у самой границы, в пекле боев. А вскоре ей пришлось участвовать в формировании ОМСБОНа – отдельной мотострелковой бригады особого назначения НКВД. Вновь оказавшись с заданием в Белоруссии, Анна натолкнулась еще на одного попаданца. Теперь она уверена, что существует портал времени, и даже примерно знает, где он находится...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	29
Глава 6	35
Глава 7	42
Глава 8	47
Глава 9	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Михаил Львович Гуткин

Инструктор ОМСБОН

ГРАЖДАНЕ И ГРАЖДАНКИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА!

Советское правительство и его глава товарищ Сталин поручили мне сделать следующее заявление: сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города – Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие, причем убито и ранено более двухсот человек. Налеты вражеских самолетов и артиллерийский обстрел были совершены также с румынской и финляндской территории. Это неслыханное нападение на нашу страну является беспрецедентным в истории цивилизованных народов вероломством. Нападение на нашу страну произведено несмотря на то, что между СССР и Германией заключен договор о ненападении и советское правительство со всей добросовестностью выполняло все условия этого договора. Нападение на нашу страну совершено несмотря на то, что за все время действия этого договора германское правительство ни разу не могло предъявить ни одной претензии к СССР по выполнению договора. Вся ответственность за это разбойничье нападение на Советский Союз целиком и полностью падает на германских фашистских правителей.

Из речи В.М. Молотова 22 июня 1941 г.

Глава 1

– Товарищ лейтенант, товарищ лейтенант!

Кто-то настойчиво тряс меня за плечо.

– А, что?..

С трудом разлепила веки. Только удалось забиться в уголок и уснуть – так на тебе! А ведь это Леша, мой шофер и по совместительству ординарец, будит меня.

– Что случилось?

– Вас вызывает командующий.

– Хорошо, сейчас буду.

По методу барона Мюнхгаузена поднимаю себя за шкуру, плещу в глаза холодной водой и, досыпая на ходу, иду к Жукову.

– Товарищ генерал армии, вызывали?

– Да, вот вам пакет, немедленно отправляйтесь к командующему 3-й армией генерал-лейтенанту Кузнецову. Тут приказ об отступлении от Минска. Больше мы не можем сдерживать там немцев. Еще сутки – и его армия окажется в окружении. Я не могу отдать этот приказ по радиосвязи, так как товарищ Кузнецов может не поверить – решит, что это диверсанты. А вас, насколько я помню, он знает.

– Так точно, знает.

– На словах передайте ему, что ширина прорыва на Северо-Западном фронте не десять – двадцать километров, как нам сообщали из Генштаба, а, по моим оценкам, не менее семидесяти километров, хотя может быть и все сто. Поэтому если он задержится, то обороняться придется не только с севера и запада, но и с востока. Минск вот-вот окажется в клещах. Мы еле успели отвести армию от Белостока, и было бы преступно глупо оказаться в окружении

под Минском. Так что времени у него почти нет. Немедленно выезжайте. Да, прихватите еще майора Смолицкого. Ему надо встретиться с полковником Стариновым. Выполняйте.

Я взяла пакет, козырнула и пошла искать Смолицкого. Это оказалось несложно, так как майор уже стоял около моей машины.

– Здравия желаю, товарищ майор.

– Здравствуйте, товарищ Северова. Едем?

– Одну минуту.

Я окинула майора взглядом, и его вооружение меня не удовлетворило. Вернулась в дом и в своем закутке нашла автомат, запасной диск к нему и пару гранат. Подумала, не взять ли еще какой-нибудь пистолет, но решила, что майор обойдется и своим ТТ. Себе, само собой, прихватила эсвэтэшку. Все остальное взятое оружие вручила удивленному майору.

– Запас карман не тянет, товарищ майор, а нас все равно повезет машина. Путь неблизкий, так что небольшой арсенал не помешает.

Он хмыкнул, но спорить не стал. Мы разместились в машине, причем я нагло плюхнулась на заднее сиденье, оставив место рядом с шофером майору. Ничего, он мужик, перетолчется. А я девушка слабая, мне еще поспать охота, что на заднем сиденье делать намного удобнее. Скособочилась и задремала. Проснулась от громкого возгласа:

– Твою мать!..

Это от души выразился Смолицкий, когда машина подскочила на особо крупной колдобине. Я была с ним полностью солидарна, но решила не высказывать свое мнение вслух, так как боялась прикусить язык. Дорога по Минской области после бомбежек была совсем не похожа на трассу «Дон». Точнее, она была ни на что не похожа. Ее вообще называть дорогой было трудно. Но другого маршрута к месту, где сейчас размещался штаб 3-й армии, просто не было. Чтобы отвлечься от малоприятных ощущений, вызываемых дорогой, и тяжелых мыслей о сдаче Минска я стала вспоминать все, что произошло за первую неделю войны, тем более что событий было более чем достаточно.

Тогда, двадцать второго, после звонка и доклада товарищу Сталину в кабинете Жукова воцарилась мертвая тишина. Все молча смотрели то друг на друга, то на Жукова, который, на мой взгляд, сразу постарел на несколько лет. Пока в моей голове был полный сумбур, вызванный тем, что сбылись самые страшные прогнозы, генерал, наконец, прервал молчание:

– Товарищи командиры. Действуем по согласованным планам. Товарищ Григорьев.

Генерал-майор немедленно даже не встал, а вскочил.

– На вас сейчас ложится первоочередная задача – связь. У меня должна быть непрерывная связь со всеми армиями и с авиацией. И само собой, с руководством страны. При малейших сбоях линий проводной связи немедленно высылать ремонтные бригады с подразделениями боевого охранения. Неполладки с радиосвязью устранять в кратчайшие сроки. Только постоянная связь поможет нам определить направления главных ударов противника. Тогда станет понятно, где и как организовать оборону. Пока, зная общие принципы ведения боевых действий немцами, можно только прогнозировать прорывы на флангах с окружениями больших групп войск. Вот этого нам допустить никак нельзя. Думаю, что сегодня часам к двенадцати мы уже сумеем понять направления главных ударов. Выполняйте.

Генерал Григорьев козырнул и вышел.

– Теперь инженерные войска.

Встал генерал-майор Васильев.

– Товарищ Васильев, отдайте команду взрывать все заминированные объекты согласно очередности. Обязательно контролируйте результаты. Координируйте свои действия с НКВД – у них тоже есть заминированные объекты. То, что не удастся взорвать, будем бомбить. Товарищ Климовских...

Встал начальник штаба округа.

– На 9:00 назначаю совещание Военного совета. Готовьте материалы. Уверен, что к этому времени у нас уже будет некоторая определенность. Товарищ Северова...

Я чуть было не прохлопала слова командующего, но в последний момент вскочила больше на автомате, чем сознательно.

– Немедленно свяжитесь с товарищами Пономаренко и Цанавой. Они тоже члены Военного совета. Военный совет будем проводить здесь. Все, совещание окончено. За работу.

Все вышли из комнаты командующего, и я тут же ринулась к дежурному. В телефон я вцепилась, как в спасательный круг. Пока не дозвонюсь, никому трубку не отдам. Хорошо еще, что телефонов тут несколько. Правильно запаслись в резервном штабе округа. И все телефоны уже в работе.

Сначала я дозвонилась в НКВД. Товарищ Цанава оказался на месте и уже был в курсе. Понятное дело, что пограничники доложили. Он обещал прибыть к указанному времени, после чего переключил меня на дежурного НКВД, чтобы я получила у того новые номера телефонов. НКВД тоже перебирается на запасную площадку.

А вот с товарищем Пономаренко вышла небольшая заминка. Он ночевал дома, а по телефону мне отказались дать его домашний номер. Ладно, я продиктовала дежурному ЦК мой номер и сказала, что если в течение десяти минут со мной не свяжется Пантелеймон Кондратьевич, то дежурному придется давать объяснения в НКВД. Не знаю, насколько подействовали мои угрозы, но Пономаренко позвонил мне минуты через три. Я все доложила и, подумав, добавила, что, по моим расчетам, через час или полтора можно ожидать первую бомбежку города. Я четко расслышала, как охнул на другом конце провода Пономаренко. Он вежливо со мной попрощался, пообещав, что обязательно прибудет на совещание. Интересно, а у ЦК Белоруссии есть запасное здание для работы? Если нет, то недолго им работать. Немцы наверняка знают, где в Минске сидит советская власть, и, без сомнения, это здание есть в полетном задании какого-нибудь бомбардировщика. Но это уже была головная боль товарища Пономаренко.

Потом я вспомнила разговор с Жуковым, который состоялся почти сразу после этих телефонных звонков. Я тогда вошла в комнату и только хотела доложить о выполнении задания, как Жуков просто махнул рукой. Он пару раз прошел по комнате из угла в угол. Остановился около стола, помассировал затылок. Короче, явно тянул время, не зная, что сказать, что было очень странно и на Жукова совершенно не похоже. Наконец, он решился:

– Товарищ Северова, когда я просил прикомандировать вас ко мне, пообещал товарищу Берии, что вы будете со мной работать до начала боевых действий, то есть до начала войны. А потом я вас отпущу. Теперь война началась, и я не имею права вас больше удерживать при своем штабе. Вы можете вернуться в свой наркомат.

Тут Жуков прервался, еще несколько раз прошелся по комнате и вдруг неожиданно заявил:

– Но я просил бы вас еще некоторое время поработать у меня. По крайней мере, до того момента, когда ситуация хотя бы немного прояснится. Если вы согласны, то с товарищем Берией я договарюсь. Обещаю теперь уже лично вам, что по вашему первому требованию я вас отпущу.

Да, задал мне товарищ Жуков задачу, практически не оставив времени на размышления. Впрочем, о чем тут думать? Сейчас по всей стране суматоха и бардак. Пока положение не определится и хоть как-то не стабилизируется, мне дергаться совершенно нет смысла. Куда мне нестись в поисках мужа? А никуда. Он сам наверняка не знает, где окажется в ближайшие несколько часов, не говоря уже о днях и неделях. Мы можем разминуться во встречных автомобилях и об этом не узнать. Я сейчас нахожусь в той части Минской области, куда даже бомбы, наверное, падать не будут, а Вася уже в самом пекле. Вот когда появится некоторая

определенность с расположением советских и немецких войск, тогда и отправлюсь на поиски мужа с учетом наших с ним договоренностей о контрольных точках. А пока, если у товарища Берии нет для меня конкретного задания, надо действительно оставаться здесь.

– Товарищ генерал армии, разрешите, я свяжусь с товарищем Берией и доложу. Если он не будет возражать, то пока останусь при вас. Но прошу вас помнить про ваше обещание.

– Я свои обещания никогда не забываю, – даже с некоторой обидой заявил Жуков. Потом показал на телефон правительственной связи: – Звоните прямо отсюда.

Я дозвонилась до Берии и обо всем ему доложила. Как и можно было предположить, возражений у него не было. Мне даже показалось, что в словах, точнее, в интонациях Берии присутствовало какое-то внутреннее удовлетворение. Наверное, он предвидел возможность такого развития событий: продление, так сказать, срока аренды. Но в самом конце разговора Берия неожиданно предложил мне запомнить кодовую фразу.

– Если вы, товарищ Северова, назовете эту фразу начальнику особого отдела любой дивизии, то он в кратчайший срок свяжет вас со мной или в крайнем случае с майором Трофимовым. Желаю удачи.

Тут мои воспоминания снова прервались, так как машину опять здорово потрянуло. Я, в конце концов, не выдержала, и наша с майором критика состояния дороги прозвучала уже дуэтом. Но оценку дорожного покрытия пришлось неожиданно прекратить, так как мы услышали гудение самолетов.

Очередной налет. Опыт у нас уже имелся. Леша моментально приткнул машину к какому-то дереву, чтобы она не отсвечивала, и мы все дружно рванули в ближайшие воронки, уже радуясь, что их более чем достаточно. Ну вот, теперь ближайший час буду продолжать вспоминать, «уютно» скорчившись на дне ямины. Скатываясь в нее, я как следует приложила правым боком и сейчас лежала, шипя от боли и злобы на наших летчиков, которые никак не могут достойно противостоять немцам. Мало того, что не могут. Их сбивают в больших количествах. Страшно сказать, но за первую неделю наш Западный фронт потерял более шестисот самолетов. Почти по сто самолетов в день. А немецких сбито всего около трех с половиной сотен. Это почти вдвое меньше. Правда, справедливости ради нужно отметить, что основные потери в авиации мы понесли в два первых дня боев: примерно по двести самолетов в день, причем в основном это были бомбардировщики.

Случайно я поучаствовала в разное, который устроил товарищ Жуков командующему авиацией Западного фронта генерал-майору Копцу. Я была с докладом у товарища Жукова, когда к нему в комнату вошел генерал Копец. При виде генерала товарищ Жуков неожиданно обратился ко мне:

– Скажите, товарищ Северова, чем бомбардировщик отличается от истребителя?

Я просто ошалела от такого вопроса и пробормотала, что бомбардировщик должен бомбить на земле какие-нибудь объекты, а истребитель должен сбивать самолеты противника. Жуков кивнул, соглашаясь, и задал второй вопрос:

– А в воздушном бою кто кого собьет?

– Так очевидно же, товарищ генерал армии, что истребитель собьет бомбардировщик.

– Вот видите, товарищ Копец, – обратился Жуков к Копцу, – даже лейтенант госбезопасности знает, что в воздухе у бомбардировщика почти нет шансов против истребителя. Так почему же вы посылаете бомбардировщики на задания без прикрытия истребительной авиацией?

Копец покраснел, глаза у него сделались какие-то шальные, и он еле выдавил из себя:

– Виноват, товарищ генерал армии.

Тут Жуков завелся и, не обращая на мое присутствие никакого внимания, заорал:

– Таким командованием ты же меня через пару дней оставишь вообще без бомбардировочной авиации!¹ Да и истребители у тебя хреновые – то и дело их сбивают!

Копец стал красным, как помидор, но при этом молчал. Я поняла это так, что он не знает, как объяснить свою беспомощность в роли командующего авиацией Западного фронта. Жуков тоже это понял и просто махнул рукой. Копец повернулся и, пошатываясь, вышел. Тут Жуков заглянул в ящик стола, вытащил оттуда небольшую металлическую фляжку и сунул мне в руки.

– Иди проследи за генералом. Как бы он чего не учудил. Вот тебе на всякий случай хорошее лекарство.

Я вылетела из кабинета и понеслась за Копцом. Он, все так же покачиваясь, шел вперед по коридору, заглядывая то в одну, то в другую комнату. При этом я заметила, что правой рукой он тербит кобуру пистолета. Интересно, что это он задумал. Пока я догоняла Копца, в моей голове что-то шелкнуло, и я отчетливо вспомнила, как на уроках историчка нам рассказывала, что некоторые генералы в первые два-три дня войны стрелялись от растерянности или кажущейся безысходности. А некоторых из тех, кто не застрелился сам, потом арестовали и расстреляли уже централизованно. Уж не надумал ли Копец застрелиться? Вот и ищет пустую комнату. Правильно его понял товарищ Жуков. Тут как раз поиски увенчались успехом, и Копец зашел в комнату. Я влетела вслед за ним. Он уже вытаскивал из кобуры пистолет, когда я левой рукой закрыла за собой дверь, а правой рукой врезала ему фляжкой прямо в солнечное сплетение.

Генерал согнулся пополам. Пришлось мне ухватить его, чтобы не упал на пол, и дотащить до стула. Пока тащила, подумала: хорошо, что летчики-истребители все как на подбор некрупные. Такого даже я смогла без особых проблем усадить на стул. Он еще пытался дышать, а я тем временем отвинтила колпачок фляги и понюхала. Там оказался коньяк. Вроде бы даже неплохой, хотя в эксперты я точно не гожусь. Я налила немножко прямо в колпачок и чуть ли не силой влила в рот Копцу. Подождала минуту и налила второй колпачок. Его Копец выпил уже самостоятельно. Потом взял фляжку и глотнул прямо из горлышка. Я решительно отобрала фляжку. Хватит с него, а то и напьется, и продукт ценный зря переведет.

– Ну что, генерал, пришли в себя? Тогда скажите, какого хрена, – *подставьте правильное слово*, – вы надумали стреляться?! Герой Советского Союза, на которого должны равняться рядовые летчики! Вы такой пример хотите им подать? Что молчите?

Копец глубоко вздохнул и как-то тоскливо посмотрел на меня:

– Вы что, меня сейчас арестуете?

– Ага, вот только разуюсь! Стала бы я вас коньяком отпаивать! Придите в чувство. Что с вами случилось?

На самом деле я уже поняла, что именно случилось с генералом. Он попал в неожиданную ситуацию, к которой совершенно не был готов, и полностью утратил ориентацию. Когда был простым летчиком-истребителем, он всегда был готов к бою. Тут неожиданностей не было. Вот враг, его надо сбить. Он финтит так, а я буду финтить эдак. Кто кого перехитрит. Все ясно и понятно. Но, будучи отличным военным летчиком, он стал плохим генералом. Точнее, стал генералом мирного времени. А тут война. От его решений зависят жизни сотен летчиков. И генерал Копец растерялся. Ему нужен психотерапевт, каковым я, естественно, не являюсь. Пока я думала, Копец, наконец, разродился:

– Ну не знаю я, как руководить авиацией всего фронта. Просто не знаю. Мозгов не хватает. Мне бы самому в кабину истребителя и в бой. А тут планировать, обеспечивать, действовать согласованно. Не получается. И начштаба не ко времени заболел и попал в госпиталь.

¹ В реальной истории только за первый день войны Западный округ потерял примерно 740 самолетов, из которых 528 не взлетели и были сожжены прямо на аэродромах. После катастрофических потерь авиации Западного округа в первый день войны командующий авиацией Западного округа Герой Советского Союза генерал И. Копец 23 июня застрелился.

– Так что прикажете делать? Мне вместо вас взяться за командование авиацией? А я вообще ничего в этом не понимаю. И товарищ Жуков в этом мало понимает. Короче, сделаем так. Вы едете к себе и в меру сил продолжаете командовать с учетом того, что сказал товарищ Жуков. Истребителей, насколько мне известно, у вас пока хватает. Тем временем я постараюсь поговорить, чтобы вас заменили. Полком-то вы командовать сможете?

– Полком смогу. А кто вы такая, чтобы давать такие обещания?

– Я порученец товарища Берии, временно прикомандирована к товарищу Жукову. Так вы как? Пришли в себя?

– Пришел. Спасибо, товарищ лейтенант. Пожалуй, пойду.

– Идите, товарищ генерал, только фляжку я вам не оставлю. Это имущество товарища Жукова. И знаете, мы все сейчас заново учимся воевать, так как раньше воевали совсем по-другому. И если не научимся, то погибнем.

Копец отдал мне фляжку и уже твердым шагом двинулся на выход. А я с фляжкой вернулась к Жукову и передала ему наш разговор, добавив, что готова доложить обо всем товарищу Берии. Жуков подумал минуту и сказал, что попробует сам решить этот вопрос. Мои действия одобрил.

Через пару дней товарищ Жуков нашел для Копца хорошего заместителя, и потери заметно снизились, хотя и оставались слишком большими. Один раз Копец не выдержал и сам полетел в сопровождении. Во время воздушного боя сбил один самолет, а в своем привез двадцать три пробоины. Жуков его за это обматерил по телефону, а я не удержалась и потихоньку от Жукова позвонила и поздравила Копца с открытием счета в этой войне. Копец, кажется, был очень доволен моим звонком.

Глава 2

С Копца и нашей авиации мои воспоминания переключились совсем на другое. Мне в голову вдруг пришла вообще идиотская мысль, что как раз сегодня мой день рождения. Нет, вообще-то я родилась в конце августа, но с учетом того, что перенеслась назад не только без малого на семь десятков лет, но и еще на пару месяцев, то как раз сегодня мне исполнилось двадцать биологических лет. Обычно в день рождения мама пекла вкусный пирог, а папа шел на рынок и выбирал большой и сладкий арбуз килограммов на пятнадцать. К нам на дачу приезжали родственники и мои друзья. По мере прибытия все подключались к настольному теннису и старинным играм вроде крикета и серсо, причем играли и взрослые, и мы. А к обеду, когда все уже были в сборе, на террасе накрывался большой раздвижной стол, и начиналось торжество. Эх, славное было время, которое я не умела ценить! А теперь вот в качестве подарка могу получить только несколько осколков разной формы и пару фингалов от летящих в разные стороны камней.

Плюнув на эти воспоминания, я переключилась на современные проблемы. Сдаем Минск. И ведь вины нашего Западного фронта в этом практически нет. Менее чем через час после начала артобстрела и первого авианалета наши войска уже вступили в бои. Мосты взорвали почти все. Если не ошибаюсь, то немцы смогли захватить в целости и сохранности только один мост. Но они, заразы, очень быстро сумели навести понтонные переправы – все-таки двухлетний опыт боевых действий что-то значит. А потом повалила такая масса войск, что нам все время приходилось пятиться. И это были еще цветочки. Наш округ, а точнее, теперь уже фронт, первый удар кое-как выдержал, да и сейчас с трудом, но еще держится. А вот в Прибалтике наши просто провалились. Там после двух дней боев немцы захватили Вильнюс и далее пошли, как по широкой магистрали. Почему там так опростоволосились наши армии, пока никто не знает, но оценка Жукова ширины прорыва очень похожа на правду. А сил и, что главное, транспортных средств для ударов с фланга, по словам Жукова, у нас просто нет, поэтому нанести мощный отвлекающий удар во фланг немецкой группировке мы не можем. Вот и приходится медленно, но верно отступать. Единственный небольшой плюс пока лишь в том, что немцы постепенно растягивают свои коммуникации. А с учетом того, что железнодорожные пути мы тоже успели как следует повредить, скорость их продвижения в глубь страны скоро должна замедлиться. И на Юго-Западном фронте у них тоже не все гладко. Так что шансы на то, что мы сумеем как следует затормозить продвижение немцев, все-таки есть.

Тут мне пришла в голову еще одна мысль. Я, кажется, поняла, почему Жуков решил оставить меня при себе. Наверное, я, сама того не подозревая, очень помогла ему своим письмом по поводу подготовки партизанского движения в Белоруссии. Будучи только что назначенным командующим округом, он сам, разумеется, не мог доложить руководству, что не сумеет сдерживать немцев и будет отступать. Что это за командующий, который начинает службу с признания необходимости отступления (на *это, насколько я помню историю, решился только Барклай-де-Толли в 1812 году, и как его потом за отступление топтали*). А тут письмо как бы от человека со стороны, причем от такого человека, к мнению которого товарищ Сталин обязательно прислушается. В этой ситуации инициатива будет исходить от товарища Сталина, а он, Жуков, просто честно ответит на прямо поставленный вопрос. Такой расклад Жукова вполне устроил. А потом он уже по своей инициативе предлагал мне самой написать еще письмо наверх. Получается, я нужна товарищу Жукову как некий буфер для передачи наверх сведений, которые напрямую ему докладывать не всегда удобно. Нет, конечно, он и без меня сумел бы справиться, но так получается проще и эффективнее. Надо будет мне это учесть.

А вот самолеты уже летят назад. Нашу машину, слава богу, не заметили, а больше тут объектов для бомбежки не было, поэтому они бомбили где-то дальше. Мы вылезли из воронок

и пошли к машине. Слава богу, что бомбардировщики ее не заметили, но дальше дорога метров на двадцать была так перепахана предыдущими бомбежками, что пришлось нам с майором вручную перетаскивать машину с Лешей за рулем к тому месту, с которого уже можно было ехать. Попытели, но справились. И еще через час мы уже были в штабе. Поскольку меня тут кое-кто знал, к Кузнецову я попала почти сразу. Вручила ему пакет и стала ждать. Он нетерпеливо пакет разорвал, прочитал и посмотрел на меня:

– Вы знаете, товарищ Северова, что в этом пакете?

– Главное знаю, товарищ генерал-лейтенант. Тут приказ об оставлении Минска.

– Вот именно. Мы все время отступаем, и теперь командующий приказывает сдать столицу Белоруссии. Как мы жителям в глаза смотреть будем?

– Будем надеяться, что они нас поймут. И еще будем верить, что через какое-то время вернемся сюда уже окончательно. Вот тогда и насмотримся друг другу в глаза.

– Да, если бы не знал вас лично, то ни за что не поверил бы в такой приказ.

– Товарищ Жуков именно поэтому меня сюда и послал.

– Ладно, идите отдохните и в обратный путь.

– Разрешите вопрос, товарищ генерал-лейтенант?

– Слушаю вас.

– Как дела в 85-й дивизии?

– Дивизия сражается изо всех сил, но вот генералу Окулову не повезло. Два дня назад во время внезапного прорыва немцы подобрались почти вплотную к его штабу, и его тяжело ранило. Вчера самолетом Окулова вывезли в Москву. Будем надеяться, что там его вылечат.

Вот тебе раз! Я от огорчения чуть не села в присутствии генерала. Бедный Федор Саввич. Хитрый, умелый, осторожный, но не уберегся, и вот теперь в госпитале врачи будут бороться за его жизнь. Огорченная, я вышла от командарма, и тут меня окликнули:

– Товарищ Северова, Анна Петровна.

Ко мне подошел незнакомый капитан.

– Вы меня не знаете, но я хорошо знаком с вашим мужем. Помните, он как-то звонил мне, просил, чтобы я поговорил о вас с командармом по поводу поездки в 85-ю дивизию?

– Подождите, припоминаю. Вы Гена?

– Так точно. Вы о супруге что-нибудь слышали?

– Пока нет. Тут все время такая неразбериха, что нагружать кого-то своими личными делами пока не считала возможным.

– Ну, так я вас порадую. Два дня назад Вася был жив и здоров, хотя на лицо заметно спал. Он со своими людьми присоединился к 85-й дивизии и участвовал в боях под Гродно. Именно он отправлял в тыл товарища Окулова.

– А где он сейчас?

– На данный момент не знаю. А вы по-прежнему порученец командующего фронтом?

– Так точно.

– Хорошо, если еще раз встречу, то передам ему от вас привет и скажу, где вас искать.

– Гена, большое спасибо. Век буду вам благодарна.

Я козырнула и пошла к машине. Отдыхать буду в машине на обратном пути. Смолицкого мне ждать не нужно – он дальше сам разберется, что и как. Кстати, автомат майор, по зрелом размышлении, забрал с собой, а гранаты оставил. Ну и правильно. Тут он, если что, еще себе раздобудет, а нам в дороге могут пригодиться, тем более что мы с Лешей обратно поедем вдвоем.

Перед тем как двинуться в путь, Леша протянул мне котелок с кашей:

– Вот, покушайте, товарищ лейтенант. Я успел поесть, пока вы с товарищем командармом разговаривали, а это ваша порция. Вот в термосе чай.

Молодец! И сам шустрит, и про начальство не забывает.

– Спасибо, Леша. Что бы я без тебя делала!

Я приступила к обеду, плавно переходящему в ужин, причем ухитрялась есть буквально на лету, поскольку машина, как и по дороге сюда, не столько ехала, сколько прыгала. Наконец дорога стала чуть лучше. Мы выехали на относительно целый участок, тянувшийся на несколько километров. По сторонам небольшой перелесок, даже не перелесок, а так, кустарник с отдельными вкраплениями деревьев, при этом сама дорога почти без ям, что позволило Леше увеличить скорость. С учетом того, что сейчас конец июня и темнеет поздно, у нас были все шансы доехать до штаба фронта до темноты. Но уввы. Опять гудение самолетов. Когда же эти черти угомонятся? Упертые, гады! Впрочем, кажется, их сейчас угомонят. С другого направления тоже послышалось гудение моторов – это уже наши истребители. Леша опять остановил машину – осторожность не помешает. Мы вышли из нее и стали наблюдать за разворачивающимся в небе сражением. Немецких самолетов было несколько десятков. Примерно тридцать бомбардировщиков и не меньше двадцати истребителей сопровождения. наших истребителей было приблизительно столько же, но сумятицу в немецкий строй они внесли страшную. Через некоторое время я, кажется, поняла идею наших. В то время как большая часть истребителей отвлекала немецких «коллег», три или четыре ястребка прорвались к бомбардировщикам и сразу сбили два самолета. Остальным бомберам это почему-то не понравилось, и часть из них стали сбрасывать бомбы где попало. Но многие продолжили свой полет с заметно поредевшим сопровождением. К сожалению, у наших не все прошло гладко. Я увидела, как сразу три самолета задымили и пошли к земле. При этом только из одного самолета летчик сумел выбраться и раскрыть парашют. Где-то я читала, что в таких случаях немцы расстреливали парашютистов. Возможно, что тут было бы то же самое, только немцам было не до того. Тут же задымился один немецкий истребитель, из которого тоже вывалился парашютист.

Я стала прокручивать варианты. Что мы имеем с гуся, кроме шкварок? Через одну-две минуты на земле окажутся два летчика – наш и не наш. Наш приземлится раньше, но до него дальше, а немца сносит в нашу сторону. Значит, одного надо подобрать, а второго взять в плен, только выполнить все в обратном порядке.

– Леша, в машину.

Леша тоже сообразил нечто подобное, потому что моментально прыгнул за руль, и мы покатали.

– Меня высадишь поближе к немцу, а сам дуй дальше, к нашему. Только осторожнее. Как бы он сгоряча в тебя стрелять не стал. Сначала крикни ему, что ты наш. Только насчет штаба помалкивай.

Эх, где мой привезенный из Москвы театральные реквизит!.. Сейчас бы пригодился. Но ничего. Придется использовать то, что есть. А есть у меня «парабеллум», вальтер и мозги. СВТ тоже есть, но использовать не хочу, так как немец мне живой нужен и желательно целенький. То, что уже чуток стемнело, мне на пользу. Стреляю я наверняка лучше этого немца, и в бою сейчас не была. Значит, нервы у меня не так напряжены. А ему нервы я сейчас еще немного подпорчу. Ему ведь не только нужно удачно приземлиться, нужно еще и парашют отстегнуть, на что тоже требуется какое-то время.

Я выскочила из машины примерно метрах в сорока от того места, куда, по моим оценкам, вот-вот должен был приземлиться немец, сразу выхватила «парабеллум» и пару раз выстрелила в сторону немца. Специально целила в парашют, но поближе к телу – пусть понервничает. Немца я уже не видела за кустарником, но парашют, запутавшийся в ветвях, был хорошо виден. Поэтому можно было примерно определить, где немец. Теперь нужно понять, какие гадости следует от него ожидать. Так что, приблизившись, я чуть притормозила и исполнила вой голодного волка «по Ипполитову». В ответ сразу защелкали выстрелы. Кажется, у него тоже «парабеллум», но меня неприятно удивило, что звуки выстрелов доносились не совсем из того места,

куда опустился парашют. Неужели успел-таки гад отцепиться от парашюта? Хорошо еще, что этот чудик пуляет в белый свет как в копеечку. Ведь меня он точно не видит. И даже не определил направление звука. Иначе хотя бы пара пуль просвистела рядом. Для полноты картины я мазанула по лицу и голове землей, чтобы приобрести «достойный» вид. Потом выдернула из земли солидный пук травы с землей и запулила его в сторону немца с таким расчетом, чтобы пук перелетел через него.

Снова раздались выстрелы, и снова куда-то в сторону. А я вот она, совсем рядом. Выскочила и увидела, что немец почему-то сидит вполоборота ко мне и как раз меняет обойму. При появлении моей грязной и взлохмаченной морды лица он оцепенел, что и требовалось доказать. Я подлетела и тюкнула его кулаком, как когда-то тюкнула своего «первого» бандита. Немец повел себя точно так же, то есть вырубился. Минут тридцать он не будет доставлять нам никаких неудобств. Теперь можно осмотреться.

Итак, что в наличии: тюкнутый немец – одна штука, «парабеллум» на земле – одна штука и парашют немецкий с парой дырок от пуль – тоже одна штука. Немца надо связать, а у меня нет подходящей веревки. Стоп, почему нет? А парашютные стропы? Вот только ножа у меня нет – остался в машине. Впрочем, если ножа нет у меня, то надо поискать его у немца. На поясе у него болтался неплохой на вид нож в ножнах. Я тут же отрезала пару кусков веревки и связала немцу руки. Хотела связать и ноги, но притормозила. Вот почему он сидел. У него ножка бо-бо. Отвлекся на мои выстрелы и не проследил за приземлением. Интересно, что тут у него. Я стянула сапог и увидела, что нога начала опухать. Хорошо, что он без сознания, иначе орал бы сейчас благим матом. А все-таки это вывих или перелом? Будем считать, что вывих. Надо бы перевязать, только бинта нет. Впрочем, парашют опять же подойдет. Отхватила полосу парашютного шелка и туго перебинтовала ногу. Потом ножом отрезала толстый сук и сделала подобие костыля. Убежать не сможет, а ковылять сумеет. И наконец подобрала «парабеллум» и валявшуюся на земле пустую обойму.

Тут очень вовремя невдалеке остановилась машина. Это Леша с нашим летчиком. У летчика на лице кровь и на левой руке тоже. Комбинезон разорван. Досталось бедолаге. Он представился старшим лейтенантом, командиром звена. Увидев немца, дернулся к пистолету, и нам с Лешей пришлось его удерживать, иначе он тут же пристрелил бы немца.

– Это он, гад, меня сбил. Сейчас я его прикончу.

– Сбил и сбил. Вы, товарищ старший лейтенант, скоро получите новый самолет, а он пусть рассказывает свои секреты, чтобы мы на будущее знали, как с этими летчиками бороться. Лучше помогите загрузить его в машину. А вам вот в виде компенсации «парабеллум» с запасной обоймой. Приедем – дам патроны.

Старлей наконец успокоился и послушался меня. Машину Леша оставил в перелеске, поэтому пленного пришлось тащить метров тридцать. Я доверила это дело мужикам, а сама, подумав, прихватила парашют. В хозяйстве пригодится. Отрезала еще один кусок парашюта и кое-как перебинтовала летчику руку, после чего мы поехали, но минут через тридцать стало совсем темно. Леша остановил машину и повернулся ко мне:

– Товарищ лейтенант! Можем заплутать. Давайте остановимся где-нибудь здесь и переночуем, а завтра с рассветом доедем.

Это было настолько разумное предложение, что из четверых трое проголосовали за при одном воздержавшемся – немец начал приходить в себя, но полностью еще не врубился и в обсуждении этого вопроса участия не принимал. У нашего летчика при себе оказался фонарик. Он подсветил, и машина, аккуратно съехав с дороги, остановилась около двух берез. Мы отошли от машины еще на несколько метров и под солидной елью развели небольшой костерок. Хозяйственный Леша вытащил откуда-то чистый котелок, налил в него воды из большой фляги и поставил на огонь. Ничего, доберемся до штаба и пополним запасы. Потом из багажника

запасливого Леша появились три банки консервов и плитка шоколада, а у немца с другого бока еще оказалась фляжка. Кроме того, Леша притащил походную аптечку, в которой я разыскала йод и индпакет. У летуна сняли первую повязку, нормально обработали рану и наложили уже вполне доброкачественную новую повязку. При этом я с благодарностью вспомнила школьные уроки ОБЖ. Кто бы знал, где именно эти знания мне пригодятся! Что касается ужина, то мы решили, что сейчас съедем консервы, запьем из фляжки и закусим шоколадом. Так и сделали. Правда, я обменяла у летчика свою долю из фляжки на лишний кусок шоколада. Спиртному предпочитаю чай с шоколадом.

Пока мы ели, немец окончательно пришел в себя. Он посмотрел на чумазую меня и, кажется, испугался. Я все поняла, не удержалась и часть драгоценной воды потратила на себя, любимую, смыв грязь. После этого Леша вопросительно посмотрел на меня. Я кивнула, и он протянул фляжку немцу. Тот злобно оскалился, но к фляжке присосался. Впрочем, Леша ему шиковать не дал. Сделал пару глотков, и хватит. Кормить мы его не стали.

После этого распределили дежурство. Мужики еще раз тщательно обыскали немца, а я для прикола зачитала ему его права, типа «имеешь право хранить молчание, а мы имеем право руки-ноги тебе пообломать и сказать, что так и было». Когда я стала все это излагать, и Леша, и старлей посмотрели на меня очень удивленно. Я с важным видом объяснила, что делаю это в соответствии с положениями Женевской конвенции о военнопленных. Старлей не удержался и сказал, что немец наверняка меня не понял. На это я заявила, что это не мои проблемы, а немца, но если они настаивают... Я повторила все вышесказанное на английском. К моему удивлению, немец понял и на неплохом английском ответил, что молчать не будет, за что я пообещала ему хорошее обращение. Летчик с еще большим удивлением посмотрел на меня и как-то неуверенно сказал, что это вроде бы не немецкий.

Я твердо заявила, что говорю только на тех языках, которые знаю, – в данном случае на английском. После этого, как старшая по званию, дискуссию прекратила, немца тщательно привязали к ближайшему дереву, и мужики улеглись спать, потому что первое дежурство было мое. В дороге я успела немного поспать и пару часов просидела без особых проблем, после чего разбудила Лешу, а сама с удовольствием легла на приготившийся парашют. Еще через четыре часа стало уже достаточно светло. Дежуривший последним старлей нас разбудил, и мы снова двинулись в путь. Парашют я решила не оставлять в лесу – столько хорошей материи и веревок, а в машине место есть. Через два часа мы уже были в штабе.

Вернулись мы, можно сказать, с триумфом. Летчик выпал в осадок, когда увидел, что нас вышел встретить сам командующий фронтом. Жуков посмотрел на всю нашу компанию, вздохнул, махнул рукой и вернулся к себе. Я вначале не поняла, почему народ стоит и пялится на нас, но потом сообразила. Это, наверное, первый пленный немец, которого они видят. Да еще летчик, да еще, судя по погонам, офицер. Сильно прихрамывающего пленного увели под присмотром майора из особого отдела, летчик пошел к дежурному звонить в свой полк, а я побежала с докладом.

– Здравия желаю, товарищ генерал армии. Пакет доставлен, товарищ Кузнецов все выполнит. На обратном пути стали свидетелями воздушного сражения. Решили оказать помощь нашему сбитому летчику, а когда увидели, что сбит и немец, то решили взять его живьем – вдруг пригодится.

– Опять у вас какие-то приключения. Доложите, как захватили пленного.

– Да как-то так... Я подползла, подождала, пока он расстреляет обойму, и стукнула его по голове.

– И все?

– Так точно, все. Да, еще из-за задержки с летчиком и пленным не успевали вернуться до темноты, поэтому переночевали в лесу, чтобы не заблудиться. При ночевке соблюдали меры светомаскировки.

– Хорошо, пленный нам сейчас не помешает. Совсем не помешает. Можете идти.

Я выскочила довольная, что в этот раз обошлось без криков и нравоучений. Правда, сейчас товарищу Жукову, наверное, просто не до того. Ведь не только Минск сдаем, но, судя по всему, скоро и сами двинемся на восток. Пока я додумывала эту мысль, ко мне подошел лейтенант из особого отдела.

– Товарищ лейтенант, товарищ майор просит вас зайти.

Раз просят, почему бы и не зайти. В комнате за столом сидел майор, напротив – немец, рядом стоял Романов. А при чем здесь Романов? Тут я сообразила, что он при штабе числится переводчиком, так что ему и карты в руки.

– Товарищ лейтенант, – обратился ко мне майор. – Вот гауптман фон Кетлер обещает ответить на все наши вопросы только после того, как поговорит с вами.

Ничего себе заявочка! Что ему от меня надо? Ладно, послушаю. Я повернулась к Романову. Тот понял мой взгляд и обратился к немцу с какой-то фразой. Тот ответил. После этого Романов повернулся ко мне и сказал:

– Гауптман говорит, что не ожидал от русских такого гуманного отношения к пленным. Когда нашу армию разгромят и его освободят, он обещает, что так же будет относиться к русским пленным.

Вот гад! Попал в плен и хорохорится. Ну, я ему сейчас сказану.

– Товарищ Романов, переведите ему, пожалуйста, что на разгром нашей армии может не надеяться и что войну мы закончим в Берлине. А ему сильно повезло, потому что для него война уже закончилась. И еще скажите, что если бы я попала в плен, то меня сразу бы расстреляли, так как по поводу командиров из НКГБ есть специальная инструкция, подписанная Гиммлером.

Романов удивленно посмотрел на меня, но ничего не сказал и все перевел немцу. Тот несколько спал с лица, но все-таки что-то пробормотал в ответ.

– Он говорит, что это все СС. Что армия к этому не имеет никакого отношения.

– Армия, может, и не имеет, но приказы исполнять обязана. Ладно, если у этого гауптмана все, то я пойду.

Романов обменялся с гауптманом еще парой фраз и кивнул мне. Я посмотрела на майора. Тот тоже больше ко мне ничего не имел, поэтому я вышла, скрипя от злости зубами. Ишь, тоже мне армейский гуманист. Не надо было ему ногу перевязывать. Денек-другой, и стал бы инвалидом. А, черт с ним. Проехали. У меня и других дел полно. И в первую очередь по пленному надо написать отчет. Это правило у меня уже на уровне безусловного рефлекса. Тут, правда, я призадумалась. А на чье имя писать? На имя товарища Цанавы или Берии? Не их это уровень. А к майору Григорьеву или тем более к Васе этот отчет не попадет. Придумала! Напишу на имя начальника особого отдела фронта. Пусть у него хранится, а я в случае чего на него и переведу стрелки.

Глава 3

Перед тем как усесться за отчет, я вспомнила о своем обещании. Немного побегав, нашла летчика, притащила его к своему оружейному складу и выдала обещанную пачку патронов к «люгеру». Он был не просто доволен, а, можно сказать, счастлив. Тут я сообразила, что к летчикам трофеи вообще не попадают. Они ведь в разведку не ходят, а воюют только в небе. Откуда там трофеи. Остается только один вариант – выменивать на что-либо. Но это все в будущем. Пока у них только по шесть – восемь вылетов в день и сплошной недосып. А тут не только выпался, но и прибарахлился. Рана у него небольшая, можно сказать, глубокая царапина. Один-два дня в медсанбате – и снова в бой. Короче, старлей обещал все, что захочу, вплоть до звезд с неба. Я поблагодарила и сказала, что учту на будущее. Мы с ним распрощались, и я пошла в особый отдел.

Написание отчета много времени не потребовало, но я не торопилась его сдавать. Где еще найду время подумать, как не тут, в тихом месте, куда добровольно никто предпочитает не соваться. А подумать было о чем. Не складывается у меня пазл. Вот обязательный Аристарх Ксенофонович получил для меня восемь отличных арбалетов. Я даже немного научилась из них стрелять. Не так, как Леша, но метров с тридцати в цель попаду. Ну и что? Арбалеты в кладовке. Там же, кстати, и заготовки для ловушек, не говоря уже о стрелковом оружии и гранатах, а я все в разъездах, и все мои наработки лежат мертвым грузом. При переездах, которые наверняка начнутся в самое ближайшее время, мои зачатки могут и потеряться. Надо что-то делать. Может быть, пора напомнить товарищу Жукову про его обещание? А как я буду перетаскивать все свое имущество? И что будет с Лешей, с Романовым?

Посидев так минут двадцать, я кое-что надумала. Мы планируем в самое ближайшее время сниматься с насиженного места. Это, конечно, не Западная Белоруссия, но и тут будут партизаны. Значит, и тут кое-что можно припрятать. Пара укромных мест в нескольких километрах отсюда в лесу мне уже известна. Они запланированы в качестве баз для диверсионных групп. Вот там и спрячу часть моего вооружения. А в будущем либо сама воспользуюсь, либо оно кому другому пользу принесет. Грузовичок и пару бойцов для транспортировки найти несложно. Кроме того, пора, наверное, возить с собой некоторый минимум партизанского оборудования. Ладно, пока еще мне не пришлось сталкиваться с неожиданными прорывами немецких войск, но точно помню из разных книжек, что такие прорывы случались очень часто, а в первый период войны чуть ли не каждый день. Хорошо еще, что пока товарищ Жуков своими хитрыми маневрами путает немцам планы, но резервов у него все меньше и меньше – называется катастрофическая нехватка транспортных средств и немецкие бомбежки. Поэтому очевидно, что вот-вот немцы внесут коррективы в свои планы, и тогда начнется самое неприятное.

Погруженная в эти мысли, я пошла за очередным поручением к Жукову, как вдруг кто-то крепко сзади ухватил меня за плечи, не давая повернуться. Попыталась лягнуть этого кого-то ногой, но не получилось – промахнулась. Все понятно, такое со мной может сотворить только один человек.

– Нехорошо, Аркадий, так неожиданно нападать на незащищенную девушку.

– У тебя, Анна Петровна, что, глаза на затылке?

– Конечно. Один с рождения на макушке, а сейчас еще два отращиваю на ушах. Просто в прическе их незаметно.

Я радостно повернулась к Ипполитову:

– Рассказывай, товарищ майор, что там и как в вашей дивизии?

Тут Ипполитов помрачнел:

– Не очень все гладко. Собственно говоря, от дивизии мало что осталось, и нас сейчас вывели на переформирование. Мы ведь приняли на себя самый первый удар. Первые два дня удавалось держать оборону. Федор Саввич хитро маневрировал артиллерией, не давая немцам засечь наши гаубицы, и устроил на дорогах знатную кашу. А из легких танков сделал передвижные ДОТы. Это немцев здорово разозлило, и они на своих маршрутах повесили самолет-разведчик. Он в конце концов сумел засечь расположение наших пушек и гаубиц, после чего целый день без перерыва нас бомбили. Дивизия понесла очень большие потери.

Единственная радость, что немцам тоже досталось как следует. Если бы не их колоссальный опыт в маневрировании и насыщенность транспортными средствами при хорошей радиосвязи, то они вообще могли там застрять. Но увы. А при бомбежке одна бомба попала в штаб, и генерала Окулова тяжело ранило. Пришлось его эвакуировать в Москву, да еще не сразу, так как первый присланный самолет немцы сбили. Кстати, собственно отправкой Окулова руководил твой муж. Он со своими сотрудниками присоединился к нам в первый же день войны.

– О муже я слышала, а где он сейчас?

Тут Ипполитов хитро усмехнулся:

– А сейчас он уже в немецком тылу готовит базу для действий особого диверсионного отряда Западного фронта. И знаешь, кто будет командовать этим отрядом?

Ха, тоже мне бином Ньютона! Но не буду разочаровывать Аркадия. Пусть сам похвастается.

– Понятия не имею. А что, кто-то из наших общих знакомых?

– Вот именно. Я – этот знакомый. Вот приехал сейчас за последними указаниями и за радистом. Потом два дня на всякую суету – ив тыл к немцам. Кстати, старший лейтенант Северов, зная, что я буду в штабе фронта, предвидел нашу встречу и просил передать, что он будет в точке два. Тебе это что-нибудь говорит?

– Само собой. Это чтобы я знала, где его искать.

Вот для меня и настал момент истины. Теперь я могу в реале принять участие в самых что ни на есть конкретных боевых действиях в тылу врага. Да, прижилась я в штабе, и отношение здесь ко мне практически у всех хорошее, но там меня ждет Вася. А известно, что мужа нельзя надолго оставлять без присмотра.

– Ну что ж, Аркадий. Придется тебе увеличить состав отряда на одного человека. А именно на меня. Два часа – и я буду готова.

– Честно говоря, Аня, я именно этого и ожидал. Вот только отпустят ли тебя? Ты ведь тут большой человек. Неужели командующий так спокойно к этому отнесется?

– А вот сейчас и проверю, как товарищ Жуков держит слово. Подожди меня минут двадцать.

Я сунулась к командующему. Попала как раз в перерыв между двумя совещаниями. Надо отдать Жукову должное. Посмотрев на мой решительный вид, он сразу понял, с каким вопросом я к нему пришла.

– Так куда вы хотите направиться, товарищ Северова?

– Здесь, товарищ генерал армии, сейчас находится майор Ипполитов, который формирует диверсионный отряд. Часть отряда уже действует в тылу, и там мой муж. Если вы меня сейчас отпустите, то через два дня я уже вместе с ним буду портить жизнь немцам.

– А вы уверены, что товарищ Берия не будет возражать?

– Так точно, уверена. Товарищ Берия с самого начала был в курсе моих планов. Честно говоря, он их не одобрял, но обещал не препятствовать.

– Ну что же. Я от своих слов не отказываюсь, но прежде, чем попрощаться, хочу задать пару вопросов. Я слышал, что вы хорошая шахматистка.

Я кивнула и насторожилась. А при чем здесь шахматы?

– Значит, вы умеете просчитывать варианты на несколько ходов вперед?

Я снова кивнула, но эти слова мне понравились еще меньше. К чему это он ведет?

– А теперь представьте, товарищ Северова, что произойдет, если вы вдруг попадете в плен? Нет-нет, я и в мыслях не допускаю, что вы в какой-то момент добровольно поднимете руки вверх, но вас могут ранить или же контузить. А в плену из вас начнут вытягивать информацию. Так как всех немецких шпионов в наших штабах наверняка не сумели выявить, то можете быть уверены в том, что немецкая разведка отлично знает всех моих порученцев. И будут вас спрашивать не о будущем, которое, возможно, в результате ваших действий уже начало меняться (о вашем появлении оттуда немцы точно не знают), а о самом что ни на есть настоящем. О планах партизанской войны, о диверсионных отрядах и т. п. Ведь вы с вашим умением договариваться с самыми разными людьми в курсе почти всех наших текущих оперативных планов, не говоря уже о некоторых совещаниях, – вы понимаете, о чем я говорю? Что произойдет в этом случае, объяснять не надо?

– Не надо, товарищ генерал армии, – пролепетала я и второй раз с момента моего попадания в это время заревела. Только первый раз я плакала от счастья, когда Сергей Палыч зарегистрировал наш с Васей брак. А теперь ревела в голос от того, что рухнули все мои планы воевать вместе с мужем. И вообще вся моя подготовка пошла насмарку. Вдобавок было страшно обидно и стыдно, что я сама об этом вообще не подумала. Товарищ Жуков вытащил из кармана носовой платок и протянул его мне. Я вытерла глаза и немного успокоилась. Тут мне вспомнились слова Берии о том, что они мне доверяют. Значит, и Сталин, и Берия уже тогда знали, что я в какой-то момент пойму, что война в немецком тылу мне не светит. Они просчитали меня на раз. При этих мыслях я снова заревела белугой. Генерал терпеливо ждал, пока я отрвусь. Через некоторое время голова снова начала работать. Я подумала, что Берия, скорее всего, именно поэтому так спокойно и отпустил меня к Жукову. И Жуков, давая свое обещание, тоже это понимал. Так что вождь, нарком и будущий маршал спокойно облапошили наивную дурочку.

Всхлипнув еще несколько раз, я, наконец, успокоилась. Видно, не судьба мне воевать вместе с Васей.

Значит, придется менять планы. В конце концов, и в шахматах, если становится понятно, что выбранный план не проходит, его меняют. Буду думать. Тем временем товарищ Жуков, поняв, что я окончательно отрвелась, забрал у меня свой платок и вдруг сказал:

– Между прочим, вам за пленного немецкого летчика полагается государственная награда – медаль «За отвагу». Я уже подписал представление.

– Служу трудовому народу!

– Продолжайте служить в том же духе. Учитывая ваше состояние, разрешаю вам быть свободной до 18:00. Идите.

Я вышла с ощущением какого-то дежавю. Что-то вся эта сцена мне напомнила, но что именно – никак не могла сообразить². Видно, мозги полностью после такого стресса еще не включились.

Ипполитов, увидев меня с красными глазами и распухшим носом, сочувственно спросил:

– Что, не отпустил командующий?

– Отпустил, – я начала всхлипывать по новой, – но при этом объяснил, что воевать в немецком тылу лично мне нельзя. И что самое неприятное, он полностью пра-а-ав.

Теперь уже Ипполитов полез за платком. Все-таки во второй раз я успокоилась быстрее. Поплелась в туалет и несколько минут мыла морду лица холодной водой. Наконец поняла, что достаточно. Вышла к Ипполитову и сказала:

² Знающие читатели, конечно, вспомнили сцену с Кутузовым в классической кинокомедии Эльдара Рязанова «Гусарская баллада».

– Вот что, Аркадий. Васе все передашь и скажешь, что я никак не могу к вам присоединиться, о чем очень жалею. Скажи, что буду ждать, когда он с какой-нибудь оказией окажется поблизости. А теперь давай используем мои возможности для решения твоих вопросов. Командующий отпустил меня до шести вечера.

* * *

– Начнем с того, что тут у меня небольшой личный оружейный склад. Идем, отберешь все, что захочешь.

Я подвела Ипполитова к своему закутку. Продемонстрировала оставшиеся от раздачи «парабеллумы» и вальтеры, автомат, ящик гранат, арбалеты, ножи. Он все это оценил, один вальтер сразу сунул в карман, сказав, что пригодится. Короче, я выдала ему почти все пистолеты и ножи, а также четыре арбалета с набором болтов. Потом мы прошли по всем инстанциям. Меня в штабе хорошо знали, поэтому все вопросы Ипполитов решил намного скорее, чем ожидал. В результате он сумел перенести вылет со следующей ночи на эту. Но я не стала его провожать, а, распрощавшись прямо в штабе фронта, пошла в комнату для женского персонала штаба, где стояла моя койка. Там плюхнулась на кровать и крепко задумалась.

Партизанская война для меня накрылась медным тазом. Начальники выложили слишком убедительные козыри. Но и в тыл меня не гонят, понимают, что моя активная натура такого чрезмерного насилия не выдержит. Значит, исходя из новых данных, нужен новый план. Но прежде всего следует понять, что у меня есть и чего нет. 1) Мое звание лейтенант НКГБ соответствует армейскому капитану. Следовательно, я отношусь к старшему командному составу. Сейчас капитан – это командир роты, а то и батальона. Но если завтра командование ротой поручат мне, то я тут же провалюсь. И так, звание есть, а соответствующих знаний нет. 2) Моя должность. Несмотря на ее незначительность в военной иерархии, на самом деле должность порученца командующего фронтом очень даже высокая. Ни один генерал не рискнет конфликтовать с порученцем грозного Жукова. Ведь порученец может даже правдивую информацию об этом генерале подать так, что отношения с командующим будут полностью испорчены. Передо мной не заискивают, но относятся очень уважительно. А какие у меня знания военного дела? Кроме хорошей стрельбы из стрелкового оружия – никаких. 3) Текущая обстановка. Пока наш фронт держится, но, честно говоря, на последнем издыхании. Этот чертов прорыв в Прибалтике все время висит над нашим правым флангом как дамоклов меч. Сегодня мы сдаем Минск, а завтра придется отходить на восток, чтобы не оказаться в окружении. Хорошо еще, что на левом фланге, на Юго-Западном фронте, наши войска, как и мы, достойно дерутся с противником, но и им приходится пятиться. А что из этого вытекает? Вытекает то, что даже наш штаб вот-вот может оказаться в окружении. При самых неблагоприятных обстоятельствах и тут, к сожалению, существует не равная нулю вероятность попадания в плен кого угодно из нас, включая меня. Но не буду о грустном.

Итак, что в осаде? Вместо боевых действий в тылу в составе диверсионной группы я вполне могу стать участником боевых действий на фронте в составе какой-нибудь воинской части или, например, в составе роты охраны нашего штаба (увы, но нужно предусмотреть и такой вариант). Отсюда вытекает определенный план действий. Нужно подобрать собственную группу, в которую пока входит только Леша, и немного изменить номенклатуру вооружения. После выдачи оружия Ипполитову у меня остались пара «люгеров», три вальтера и ящик гранат. Ну и пара арбалетов – не выбрасывать же их. Что нужно добавить? В первую очередь ручной пулемет. А к пулемету нужен и хороший пулеметчик. Потом в одной части я заметила маскировочную сеть. В машине для нее место, конечно, найдется, и польза может быть несомненная. Неплохо бы подумать и о маскхалатах. Не фига в случае попадания в боевые условия

отсвечивать в форме. Тем более что у меня в качестве основного боевого оружия – снайперка СВТ-40.

Итак, формулируем задачи на ближайшее будущее. 1) Достать средства маскировки как общие (на машину), так и личные (пока только для нас с Лешей). 2) Выяснить, какой ручной пулемет сейчас самый хороший. 3) Достать такой пулемет. 4) Найти к этому пулемету пулеметчика. 5) Провести совместную тренировку. И еще вопрос, что легче: найти пулеметчика или найти хороший пулемет? Наверное, нужно начать с пулеметчика. А он уже подскажет, из какого пулемета ему лучше стрелять. Это, так сказать, задачи самой первой очереди. Тут я сообразила, что вряд ли кто из командиров добровольно расстанется с хорошим пулеметчиком, а плохой мне и самой не нужен. Нужно понять, кто мне тут поможет? С этими вопросами, мне кажется, лучше всего подойти к майору Серафимову, начальнику охраны Жукова. Когда мы едем с командующим, то нас всегда сопровождает охрана. Хороший пулеметчик, само собой, охрану усилит. И это будет наш общий интерес. Тут у меня появилась идея, где взять пулеметчика. Надо пошуровать по медсанбатам. С тяжелыми ранениями бойцов отправляют в госпитали, а с легкими – в медсанбаты. При этом боец как бы отделяется от своего подразделения. В этот момент его и можно прихватить. Когда его командир об этом узнает, то поезд уже уйдет.

Но это все задачи первой очереди, к решению которых я приступлю прямо сейчас. Однако есть и задача второй очереди: нужно раздобыть и изучить действующие уставы. Я должна знать хотя бы основы тактики боевых действий взвода и роты в различных ситуациях. Тут мне, конечно, поможет Романов.

Ну что же, как кого-то цитировал дедуля: «Наши цели ясны, задачи определены, за работу, товарищи»³.

³ Цитата из доклада Н.С. Хрущева на XXII съезде партии.

Глава 4

Пока я разыскивала Серафимова, мне вдруг вспомнились слова Ипполитова о том, что их дивизию вывели на переформирование. Значит, во-первых, они находятся где-то неподалеку, а во-вторых, там, в медсанбате, я быстрее смогу разыскать нужного мне пулеметчика. И пока еще их переформируют, пока разберутся с составом подразделений, я его уже тю-тю. А чтобы быстрее найти нужного человека, я использую особый отдел. В идеале мне, конечно, поможет майор Максимов, если он только уцелел. А нет – использую свое служебное положение и сравнительно высокое по армейским меркам звание лейтенанта НКГБ. Не посмеют мне отказать.

С Серафимовым никаких проблем не возникло. Он сам, зная текущую ситуацию, был кровно заинтересован в усилении охраны, поэтому мое предложение пошло на ура. Серафимов пообещал достать пулемет ДП и еще пару ящиков гранат в довесок. Он даже предложил несколько бутылок с горючей смесью, но от этого я отказалась. Еще сами случайно загоримся. Зато я вдруг сообразила, что совсем не лишним в моем хозяйстве будет бинокль. Вот тут Серафимов потускнел. Лишнего бинокля у него не оказалось. И запасного тоже не оказалось. Ну что ж, придется еще раз стукнуть челом Виталию Кузьмичу. Наш белорусский наркомат вместе со своим складом теперь располагался неподалеку от штаба фронта.

В результате следующий час я провела в разъездах. Сначала НКВД, где я оставила (чувствую, что скоро это станет традицией) один ящик гранат. Виталий Кузьмич, хитро поглядев на меня, сказал:

– Анна Петровна, если вы и сейчас ничего не хотите у меня выпросить, то я начну верить в Бога.

– Не надо, Виталий Кузьмич, оставайтесь атеистом. Я действительно приехала с челобитной. Мне нужен хороший бинокль, а то в штабе фронта с оптикой зарез.

– Вы знаете, совсем недавно и у нас с этим были проблемы, но как раз за несколько дней до начала войны, когда задержание диверсантов приняло, если можно так сказать, массовый характер, к нам попало несколько очень неплохих биноклей. Абвер всегда старался обеспечивать свои кадры самым лучшим и самым современным оружием и вспомогательными средствами. Так что сейчас на складе еще сохранился пяток биноклей с отличной цейссовской оптикой. Вам сколько нужно? Два, три?

– Конечно, с цейссовской оптикой (если бы я еще знала, что это за оптика такая⁴) хотелось бы побольше, но нехорошо быть слишком жадной. Двух биноклей будет достаточно.

Виталий Кузьмич выдвинул ящик стола и вытащил из него два небольших по размерам бинокля.

– Вы не смотрите, Анна Петровна, на их размеры. Разведчикам и диверсантам всегда нужно что поменьше и что полегче. Но при этом качество у этих биноклей отменное.

Я взяла один из биноклей и поднесла к глазам. Повернулась и посмотрела в окно. Обзор был отличный и приближение очень даже неплохим. Не меньше, чем у командирского бинокля майора Серафимова. А размеры бинокля были чуть больше театрального. Я бы даже назвала этот бинокль «женским».

⁴ Для тех читателей, кто не имел дела с профессиональными оптическими устройствами (бинокль, фотоаппарат и т. п.), сообщаю, что качество любого подобного устройства определяется тремя параметрами: качеством расчета оптической системы, качеством изготовления соответствующих линз и качеством сборки. В описываемый период времени мировым стандартом в этой области был оптический завод Карла Цейсса в Йене. Цейссовские стекла поставлялись и в СССР на ГОМЗ (Государственный оптико-механический завод), но советская сборка заметно уступала немецкой. Тут же хочу заметить, что после того, как наши войска вступили на территорию Германии, первоочередным направлением стал совсем не Берлин, а именно Йена (чтобы не досталась американцам). Мы успели раньше и все цейссовское оборудование вывезли в СССР. После этого долгое время только две страны в мире умели рассчитывать оптические системы: СССР и Германия.

– Да, классный бинокль. Большое спасибо, Виталий Кузьмич. Вы в очередной раз выручили меня.

– Пользуйтесь, Анна Петровна. Уже недолго осталось. Еще один-два переезда, и от моих запасов практически ничего не останется. Трофеев пока мало, и все они поступают на специальные склады. В НКВД почти ничего не попадает. Так что в основном живем старыми запасами. Желаю удачи!

– Еще раз спасибо, Виталий Кузьмич. Если раздобуду какой-никакой трофеей, то сразу к вам. Не люблю ходить в должниках, а вы в очередной раз выручили меня.

Затарившись биноклями, мы с Лешей поехали искать остатки 85-й стрелковой дивизии, а точнее, ее медсанбат. Максимов в боях первой недели был тяжело ранен и сейчас находился в госпитале. Поэтому в медсанбате я первым делом разыскала старшего сержанта из особого отдела и поставила перед ним задачу. Сержант задачу уяснил и, покопавшись в каких-то своих бумажках, без лишних проволочек доложил, что есть два легкораненых пулеметчика. У одного ранение в руку, поэтому трудно сказать, когда он сможет полностью стать в строй. Может быть, даже его переведут в госпиталь. У второго касательное ранение головы с небольшой контузией. Контузия, как уверяет врач, практически прошла, но рана заживает медленно.

Тут я вспомнила свое ранение и свое лечение. А ведь кое-что у меня все-таки осталось. Не все отобрал тогда Григорьев – пожалел сиротинушку. Я попросила сержанта вызвать этого раненого в кабинет врача для осмотра. Врач, услышав мою просьбу, удивился, но спорить не стал. Он еще в мирное время несколько раз видел меня в дивизии и знал, кто я такая. Раненый пулеметчик, доставленный особистом, оказался худощавым невысоким парнем лет двадцати пяти. Голова забинтована, как когда-то у меня. На гимнастерке петлицы с тремя треугольниками – значит, старший сержант. Взгляд спокойный, уверенный. Сел на предложенный стул и уставился на меня. По моему кивку врач аккуратно развязал повязку. Примерно так же выглядела моя рана, когда я смотрела на нее в зеркало. Правда, тогда я почти сразу приняла меры, и заживление шло намного быстрее, а тут и рана побольше, и кое-где видны покраснения, которые, между прочим, доктору не понравились. Он дал команду медсестре, и та ловко протерла все швы каким-то раствором. После этого я ее притормозила.

– Скажите, товарищ старший сержант, вы хороший пулеметчик?

– Немцы не жаловались, товарищ лейтенант госбезопасности, тихо лежали после моей стрельбы. Финны в сороковом году тоже не жаловались. Значит, хороший.

Хм. Парень с юмором. Это неплохо. Решено, возьму его в нашу компанию.

– Как вы сами оцениваете свое состояние? Скоро сможете встать в строй?

– Про контузию уже забыл, но вот рана болит и чешется. Без спирта никак не заживает.

– Понятно, а спиртом протирать собираетесь снаружи или изнутри?

– Да как же можно такой драгоценный медикамент снаружи тратить, товарищ лейтенант госбезопасности? Только изнутри.

– С вами все ясно. Товарищ военврач третьего ранга, – обратилась я к врачу, – я сейчас сама обработаю ему рану, и пока бинтовать ее не надо. Забинтуете только через два часа легкой повязкой. А завтра утром я его у вас заберу.

– Но ему еще минимум пять дней лечиться надо, – попытался протестовать врач.

– Доктор, не будем спорить, а подождем до завтра. Может быть, вы тогда измените свое мнение.

С этими словами я вытащила из своей планшетки баночку с мазью и аккуратно нанесла тонкий слой на рану. Потом обратилась к бойцу:

– Слушай внимательно, старший сержант. Рану не трогать и тем более не расчесывать. Постарайся это место не беспокоить. Я завтра тебя заберу. Получишь новое назначение и новый пулемет.

Все, с пулеметчиком вроде бы понятно. Если не соврал, что хороший, то этот вопрос я закрыла.

Вернулась в штаб, а там обязательный Серафимов уже приготовил для меня пулемет Дегтярева. Новенький, в смазке. Я усадила Лешу за протирку, а сама отправилась искать Романова. Нашла его в комнате, работающим с какими-то бумагами. Увидев меня, он приветливо улыбнулся:

– Здравствуйте, Анечка. Вот изучаю бумаги, которые оказались у вашего немца. Кое-что интересное есть. Немцы – аккуратисты. Они заранее предусмотрели возможность того, что пилота могут сбить, и снабдили его отличной картой местности. Нам сейчас такие карты очень и очень нужны. К огромному сожалению, наш Генштаб в свое время не озаботился выпуском подобных карт, а зря. Теперь вот вынуждены использовать чужие на чужом языке. Ладно я или вы. Мы латинский шрифт разбираем и названия поймем. А как быть младшим командирам? Вот то-то.

Я при этом подумала, что совсем недавно Генштабом командовал товарищ Жуков, поэтому в нехватке нужных карт есть и его вина. Прохлопал, а теперь вместе с нами все расхлебывает. Ну да ладно. Что есть, то есть.

– Аристарх Ксенофонович, а ведь я к вам с просьбой. Так получилось, что в диверсанты и в партизаны меня не отпустили, поэтому буду воевать здесь, вместе с вами. Но вот проблема – звание у меня довольно высокое, а знаний, подкрепляющих это звание, практически никаких. К сожалению, кроме меткой стрельбы, командир моего уровня должен много чего знать. Если что случится, я ведь никем, кроме себя, ну и моего шофера, командовать не смогу. Поделитесь, пожалуйста, знаниями, хотя бы на уровне взвода и роты. Что должен знать и уметь командир роты?

– Но ведь вы, Анечка, относитесь к госбезопасности. Зачем же вам армейские знания? Вам диверсантов и шпионов надо ловить, а не воевать в строю.

– Ну, во-первых, диверсанты и шпионы не каждый день попадают, а во-вторых, и это самое главное, сейчас у меня такая должность, а вокруг такая обстановка, что в любой момент кто угодно из нас может оказаться в строю, а то, еще хуже, в окружении. И тогда нужны будут именно армейские знания.

– Да, насчет обстановки – это вы совершенно правы. Боюсь, что не сегодня завтра наш штаб будет менять место своей дислокации. И тогда действительно будут возможны самые невероятные варианты. В том числе может получиться, что в немецком тылу вам было бы спокойнее, чем здесь.

– Может быть, может быть. Но здесь все-таки мы под защитой всей армии. Будем надеяться, что сумеем справиться.

Впрочем, последнее я сказала без особой уверенности. Романов это понял, но тему продолжать не стал. Мы договорились о времени и примерной тематике занятий. Буду надеяться, что развитые мозги и, как говорил папуля, математический склад моего ума помогут быстро освоить «Науку побеждать»⁵. Не вышло из меня Дмитрия Медведева⁶, значит, нужно осваивать смежные профессии. Тем временем уже натекло 18 часов, я распрошлась с Романовым и пошла к генералу за очередным поручением.

Следующие два дня прошли, если можно так сказать, в штатном режиме. То есть я продолжала выполнять функции порученца командующего фронтом наравне с Коротыгиным и Селивановым. Пару часов удалось выкроить на занятия с Романовым. Сержанта-пулеметчика

⁵ «Наука побеждать» – название классического труда А.В. Суворова.

⁶ Имеется в виду Герой Советского Союза командир партизанского отряда полковник НКВД Дмитрий Медведев. А вы про кого подумали?

по фамилии Охапкин я 2 июля вытащила из медсанбата, причем врач, как в свое время Сергей Палыч, был чуть ли не шокирован скоростью заживления раны. Сам пулеметчик преисполнился ко мне благодарностью и был готов к выполнению любых заданий. По моей просьбе Серафимов проверил качество стрельбы нового пулеметчика и потом потихоньку шепнул мне, что Охапкин – пулеметчик от Бога. Грамотно поражает цели даже на расстоянии одного километра. Теперь, по согласованию с Серафимовым, при выездах Жукова Охапкин ездил в команде охранников, а когда товарищ Жуков был на своем рабочем месте, то сержанта забирала я. Сам Жуков был в курсе и не возражал.

А 3 июля я вляпалась в очередное приключение. Не знаю почему, но, видимо, прав был относительно меня товарищ Жуков, утверждая, что свинья грязь всегда найдет. Вообще-то я с этим и не спорила, но было обидно, что грязь эта появляется всегда неожиданно, не позволяя как следует к ней подготовиться. После обеда меня вызвал командующий и вручил очередной пакет, который я должна была доставить командующему 13-й армией. В этом пакете был приказ, увы, об отступлении. Правда, об отступлении организованном. При этом товарищ Жуков дал мне понять, что задержка с выполнением этого приказа может привести к перерастанию отступления в паническое бегство. Этот приказ я должна была доставить, добираясь в армию в составе мотострелкового полка, направляемого для пополнения 21-го стрелкового корпуса, который за последние двое суток понес тяжелые потери.

Комполка предложил мне двигаться вместе с его штабом, но поскольку это был мой первый опыт движения в сторону фронта в составе воинской части, то шило, сидящее в одном месте, толкнуло меня на движение с головным батальоном. А так как пыль от впереди идущих машин вдыхать не хотелось, то Леша, по моему желанию (не приказу), поехал почти во главе всей колонны, растянувшейся, наверное, на километр, если не больше.

Наша колонна вышла в сумерки, чтобы не попасть под очередную бомбежку. Двигались не спеша, тем более что движение сильно тормозили идущие, бредущие и иногда ехавшие навстречу беженцы. Дорога была относительно ровной, и я, положившись на высланных вперед мотоциклистов-разведчиков, а также на Лешу за рулем и на бодрствующего Костю-пулеметчика, благополучно задремала. Мне приснилось, что мы с Васей куда-то бежим от немцев. Вдруг Вася остановился и стал бросать назад гранаты, которые громко взрывались. Я дернулась и проснулась. Оказывается, взрывы были на самом деле. Вся колонна остановилась. Комбат на машине выехал вперед и стал ждать. Через несколько минут показалась наша высланная вперед разведка, причем мотоциклистов стало почему-то больше, чем уехало. Они подъехали к комбату.

Английская пословица гласит, что любопытство сгубило кошку. Мне стало очень интересно, что же там впереди произошло, поэтому я вылезла из машины и потихоньку пробралась вперед. Там кроме мотоциклов наших разведчиков стояли еще два мотоцикла, и какой-то пришлый капитан возбужденно говорил, что впереди примерно в полутора километрах провались немецкие танки. Вот не было печали! Правильно говорил Романов, что неизвестно, где будет спокойнее: в тылу у немцев или в действующей армии.

Комбат с капитаном стали обсуждать, что и как следует сделать. Я подошла еще ближе, чтобы все слышать. Где еще можно набраться опыта, как не в таких ситуациях, слушая профессионалов. По дороге я оступилась, и болтавшийся у меня на шее бинокль больно стукнул по груди. Я от неожиданности выругалась. Капитан обратил на меня внимание, и мне показалось, что по его лицу пробежала тень удивления. Не знаю, что меня торкнуло, но я вдруг взяла и подмигнула капитану. На его лице снова промелькнуло удивление. И тут я обратила внимание на то, что на груди у этого армейского, между прочим, капитана висит точно такой же бинокль, как и у меня. В памяти сразу всплыли слова Виталия Кузьмича о том, что абвер всегда обеспечивает своих диверсантов всем самым лучшим. Это что же получается – капитан на самом

деле является диверсантом? И он здесь с несколькими помощниками, а я одна. Понятное дело, что вокруг наши советские бойцы, но меня они не знают. Только комбат немного в курсе. Если я сейчас попытаюсь задержать этого капитана с его компанией, то они могут объявить меня немецкой шпионкой и с ходу пристрелить. Резко уйти тоже опасно. В сумраке и в суматохе потом все они быстренько удерут, оставив тут мою тушку. Нет, голубчики, так дело не пойдет. Мне моя тушка дорога, и дырывать ее никому не позволю.

Пока все эти мысли мелькали у меня в голове, комбат принял решение и отправился с капитаном на доклад к полковнику. Тем временем один из его сообщников в звании, как я рассмотрела, лейтенанта неожиданно подошел ко мне:

– Товарищ лейтенант госбезопасности, разрешите вас на пару слов.

Вот еще напасть! Что он от меня хочет? Мы отошли немного в сторону, и тут лейтенант злобно зашипел:

– Ты что, дура, нацепила «парабеллум»? Тебя же вот-вот раскроют. Не могла взять табельное оружие красных? Ты бы еще вальтер прихватила!

Понятно, он принял меня за свою. Я благоразумно не стала его информировать, что вальтер у меня тоже есть, а робко так возразила:

– Дело в том, что у девки, которую я вытряхнула из этой формы, было официальное разрешение на «парабеллум». И внешне мы с ней были похожи. Только выглядела она чуть старше меня, но тоже блондинка.

– Все равно. Тебе что вдалбливали на занятиях? Не выделяться, быть как все, не привлекать внимания. Завтра же достань наган, а «парабеллум» спрячь. Да и форму лучше бы иметь армейскую, а не гэбэшную. Ведь говорили же, что в армии чекистов не любят. Сколько у тебя здесь бойцов?

– Никого нет, я одна. Нас ждали в месте прибытия и с ходу стали стрелять. Мне чудом удалось уйти. Потом вот нашла бабу в форме и немного похожую на меня. Втихую ее пристукнула и переделалась. Только так и удалось выкрутиться.

– Так, значит, к нам затесался предатель. Ты в какой группе была?

Единственный вопрос, на который я заранее заготовила ответ.

– Об этом поговорим, когда выполним задание и вернемся в школу.

Слава богу, что такой ответ лейтенанта удовлетворил, и он, наконец, успокоился.

– Ладно, об этом потом, а пока скажи, куда направляется полк?

– Понятия не имею. Из разговоров уяснила, что идет на фронт на замену какой-то части.

– Ясно. Туда полк идти не должен. Что предполагаешь делать?

– Была бы одна – вообще ничего предпринимать не стала. Ограничилась бы сбором информации, пока не вернулась к нашим. А так... Сколько у вас тут людей?

– Мы с капитаном и еще трое. В полукилометре отсюда еще взвод.

– Тогда подождем, пока вернется капитан. Если они уговорят комполка, то станем во главе колонны и постараемся их запутать. А иначе придется пристрелить полковника. Это я могу взять на себя, так как уже один раз с ним разговаривала и он немного меня знает. А вы, как только услышите выстрелы, попробуйте посеять панику и надавите на оставшихся командиров, чтобы изменили маршрут. В темноте и при неясной ситуации весь полк либо останется на месте, либо послушается вас.

– А как ты выберешься?

– Один раз уцелела и второй раз сумею. Тут от бабы не ждут каких-либо хитростей, а учили меня на самом деле очень даже неплохо. Вывернусь. Да и темнота поможет. Вы с капитаном, главное, не подведите.

Лейтенант кивнул, и мы присоединились к командирам, которые ждали приказа. Наконец вернулись комбат с капитаном. Комбат сказал, что приказано снова выслать разведку, а всем пока оставаться на месте. Я сказала, что у меня тоже есть информация и мне нужно пере-

говорить с комполка. Слегка кивнула лейтенанту и поехала назад. Как только мы отъехали, я объяснила Леше и Косте, что говорила с переодетыми немецкими диверсантами, но не могла их задержать, потому что не была к этому готова. Ребята недовольно заворчали, но я их успокоила, сказав, что те никуда от нас не уйдут.

Как только мы добрались до штабных машин, я сразу же обратилась к полковнику и попросила вызвать начальника особого отдела. Почти тут же около нас возник старший лейтенант-особист.

– Товарищ полковник, в голове колонны находятся переодетые немецкие диверсанты. С одним из них вы тут беседовали. Капитан, лейтенант и три бойца. А дальше в полукилометре еще засада численностью до взвода. Их задача – не допустить дальнейшего продвижения полка. Про танки, полагаю, они врут. Просто хотят запутать.

– Ас чего вы взяли, товарищ Северова, что это диверсанты?

– Это я вам потом объясню, товарищ полковник. А пока нельзя терять ни минуты. Их нужно срочно задержать. Но если вы хотите подтверждения, то можете проверить. Вы их окружите, а я тут несколько раз выстрелю, вроде как хочу вас убить. Мои выстрелы послужат для них сигналом к действию.

Полковник кивнул особисту, и тот скрылся в темноте. Пока ждали, мне пришла в голову мысль, что немцы в чем-то все-таки недорабатывают. По словам лейтенанта, учат всех диверсантов «не выделяться, быть как все», сами при этом снабжают свои группы такими биноклями, которые в РККА днем с огнем не сыщешь. И скрепки необычные для документов используют. Чудики, одним словом. Минут через семь полковник повернулся ко мне и предложил стрелять. Я вытащила «парабеллум» и три раза пальнула в воздух. Почти тут же в голове колонны раздались выстрелы, которые, правда, быстро затихли. Еще через десять минут старлей вернулся:

– Товарищ полковник. Двое задержаны, остальные убиты. У нас легкие ранения получили три бойца.

– Вы уверены, что задержали именно диверсантов?

– Так точно, товарищ полковник. Проверил их документы.

Тут особист наклонился к полковнику и продолжил, заметно понизив голос:

– Признаки, полученные нами по ориентировкам, совпали.

– Хорошо, продолжаем движение. Задержанных доставите в особый отдел армии. Товарищ Северова туда как раз направляется. Составите ей компанию.

Ну, положим, я направлялась не совсем в особый отдел, но все равно это меня полностью устраивало. Я не удержалась и наклонилась к особисту:

– Что, нержавейка?

Старлей слегка дернулся, но потом сообразил, что я вполне могу быть в курсе дела.

– И она тоже.

– Вот и хорошо. Значит, я сделала все правильно. И еще, товарищ старший лейтенант. Обратите внимание на мой бинокль. У обычного армейца такого быть не должно. Это немецкий, цейссовский. – *Надо все-таки выяснить, что это означает.* – Ими снабжают диверсантов. Мне его выдали со склада НКВД.

– Спасибо, товарищ лейтенант, это я учту на будущее.

Тут я воспользовалась служебным положением и потребовала, чтобы мне передали все бинокли диверсантов – их, мол, следует сдать в НКВД. Старлей оторопел от моего требования, но, заметив кивок полковника, со вздохом согласился, и мой багаж пополнился тремя отличными биноклями. Зато в полку стало на пару мотоциклов и на несколько автоматов больше, что тоже было неплохо. Пистолеты ТТ для меня особого интереса не представляли – их достать не проблема.

Дальше наш полк двигался уже без приключений, если не считать небольшую перестрелку с оставшимися в засаде диверсантами. Но их при поддержке одного танка сопровождения очень быстро привели к виду, удобному для логарифмирования⁷. Пока нам было по дороге, я не удержалась и, договорившись с комполка, попробовала себя на трофейном мотоцикле. Оказалось вполне. И идет хорошо, и мощность больше, чем у наших. При случае надо будет где-нибудь «прихватизировать». Через двадцать километров я в компании команды, конвоирующей диверсантов, свернула к штабу армии, а полк двинулся дальше, на фронт. Удачи вам, бойцы.

⁷ Жаргонное выражение учащихся физматшкол и вообще математиков. В данном контексте означает, что диверсантов перестреляли.

Глава 5

Я вручила пакет командарму, ответила, как могла, на его вопросы и уже хотела было двигаться назад, как меня вдруг позвали к телефону, точнее к ВЧ. На другом конце был сам Жуков.

– Товарищ Северова. На обратном пути сначала поезжайте в 13-ю бомбардировочную авиадивизию.

Там завтра будут судить трибуналом замкомдива по техническому обслуживанию подполковника Шостака. Я знал его еще по Халхин-Голу как очень старательного командира. Поэтому хочу лично утвердить или не утвердить решение трибунала. Вам надлежит присутствовать на самом заседании, а потом, взяв решение трибунала, вместе Шостаком и его конвоем выехать в штаб фронта. Вопросы?

– Вопросов нет, товарищ генерал армии.

– Тогда выполняйте.

Вот еще одна головная боль! Интересно, что же такого натворил там этот Шостак, если его решили отдать под трибунал. Наверное, очень крупно накосячил, тем более что у подполковника возможностей накосячить намного больше, чем, скажем, у капитана. Я связалась с командиром 13-й БАД и договорилась, что без меня заседание трибунала они не начнут. Теперь небольшая арифметика. Заседание назначено на девять утра. Дорога туда займет примерно полтора часа. А сейчас час ночи. Значит, пять часов для сна у нас есть. Прекрасно. Мы с Лешей и Костей отъехали немного в сторону от штаба армии, вытащили многострадальный и слегка изрезанный парашют и залегли. Ух, здорово!

Для того чтобы выспаться, нам хватило трех часов, поэтому в 13-ю БАД мы выехали даже раньше запланированного времени. Наверное, это было правильно, так как в утренние сумерки вероятность бомбежек меньше. Немцы воюют строго по расписанию – ночью предпочитают спать. В результате к семи утра вся наша компания уже была в авиадивизии. Я представилась комдиву и сразу пошла искать трибунальцев. Состав трибунала, насколько я поняла, был более или менее стандартным: начальник особого отдела, воен-юрист и комиссар дивизии. Я по привычке сунулась к начальнику особого отдела. Капитан-особист выслушал меня без особой радости, но и кривиться не стал. В конце концов, его дело – обеспечить доставку подсудимого на суд, а потом, если что, привести приговор в исполнение. Если приговор хочет утвердить сам комфронтом, то капитану же проще. Сдал подсудимого мне, оформил, как положено, и свободен. Потом это уже будут мои заботы. Я попыталась выяснить, что же вменяют в вину подполковнику, но этого особист не знал – он просто выполнил приказ комдива. За подробной информацией можно обратиться к комдиву или к комиссару, но лучше подождать, так как на заседании трибунала обязательно все будет изложено самым подробным образом. Я решила послушать опытного человека и на время отстала со своими вопросами.

Ровно в девять утра все уселись в небольшом окопчике под навесом из масксети и привели арестованного. Вид у подполковника был еще тот: небритый, взгляд потускневший, мешки под глазами. Если бы я не была уверена в противоположном, то сказала бы, что он сильно пьян. Встал комиссар и зачитал обвинение, суть которого сводилась к тому, что подполковник Шостак давал своим подчиненным неправильные указания по установке на бомбардировщики Пе-2 направляющих для реактивных снарядов РС-82. В результате этого снаряды не только не попадали в цель, но и каким-то образом ухитрились поразить два собственных самолета. Я вспомнила последние дни боев и буквально закипела от злости. Вот типичный вредитель, если не шпион. Сама бы тут же пристрелила. Тем временем встал военюрист и предложил Шостаку сказать что-либо в свое оправдание. Тот сказал, что все работы выполнялись строго по инструкции, и почему такое происходит при стрельбе эрэсами, он совершенно не

понимает. Подполковника спокойно выслушали и предложили конвойным отвести его в сторону, а сами стали решать, что и как с ним делать. Неожиданно комиссар сказал, что ему тоже не вполне понятно, что происходит. Давать подчиненным явно неправильные приказы и при этом не пытаться скрыться – полная чепуха. Ясно как божий день, что такое вредительство моментально раскроют и выведут виновных на чистую воду. А вдруг инструкции не совсем правильные? У военюриста на это было стандартное возражение: стрельба пошла неправильно, кто за эти вещи отвечает? Шостак. Значит, виноват. Какой приговор? В мирное время получил бы несколько лет, а сейчас, да еще в такой обстановке, приговор однозначен – расстрел. Особисту было все равно, поэтому он тоже высказался за расстрел. Только отметил, что приговор будет утверждать комфронта лично, и кивнул при этом на меня. Я подтвердила его слова, а потом попросила объяснить мне чуть более подробно, в чем именно виноват подполковник Шостак, поскольку я в авиации вообще ни бум-бум, а товарищ Жуков может задать мне какие-нибудь вопросы по сути дела.

Объяснять стал комиссар – все-таки он один тут был летчиком. Оказывается, Пе-2 сзади или, говоря по-научному, в задней нижней полусфере, оказался почти беззащитен, потому что пулемет ШКАС, стреляющий обычными пулями, зачастую не может пробить лобовую броню немецких истребителей. Немцу достаточно просто зайти сзади, и бомбардировщик практически обречен, чем немцы и пользуются. Поэтому для усиления оборонных возможностей бомбардировщика какие-то умельцы предложили поставить в хвост направляющие для реактивных снарядов РС-82. Тогда бомбардировщик хотя бы некоторое время мог обороняться, пуская эти снаряды в зашедшего в хвост истребителя. Так вот именно эти направляющие для реактивных снарядов техники под командованием Шостака ставили неправильно. У меня возник естественный вопрос:

– Товарищ комиссар, но ведь реактивная струя может повредить бомбардировщик?

Комиссар улыбнулся моей некомпетентности и сказал:

– Видите ли, товарищ лейтенант госбезопасности, РС стартует мгновенно, но набирает полную скорость за несколько секунд. За это время самолет успеваает отлететь на безопасное расстояние.

Вот тут меня и проняло.

– Товарищи члены военного трибунала. Тогда получается, что подполковник Шостак совсем не виноват!

При этих словах они уставились на меня, как на восьмое чудо света.

– Как это не виноват?

Сказали все трое в один голос.

– Эти ваши РС летят строго в соответствии с первым законом Ньютона и законами аэродинамики.

Не поняли. Лица у всех вытянулись. Ладно, воен-юрист и особист – они могут и не знать физику, но комиссар-то летчик. Их обязательно физике учат. Придется всем сейчас прочитать небольшую лекцию.

– Товарищи! В соответствии с первым законом Ньютона любое тело находится в состоянии покоя или равномерного прямолинейного движения до тех пор, пока на него не подействует сила. Теперь посмотрите, что происходит со снарядом, пока он прицеплен к самолету. Он летит вместе с самолетом со скоростью самолета и в направлении движения самолета. С этим согласны?

Все трое дружно кивнули.

– Предположим, что самолет летит в некотором направлении со скоростью триста километров в час. Значит, и реактивный снаряд летит с этой же скоростью и в этом же направлении. Что произойдет в тот момент, когда снаряд отделится от самолета, а его реактивный двигатель

только начнет разгоняться? Сила реактивной тяги пока минимальна – ее, можно сказать, практически нет. Поэтому по инерции снаряд полетит хвостом вперед. Как при этом будут работать его стабилизаторы полета? Вы можете предсказать траекторию полета снаряда, летящего хвостом вперед?

До комиссара дошло, а особист и военюрист оказались в полных непонятках. Пришлось дополнительно пояснить:

– Когда вы пускаете снаряд по ходу самолета, скорости самолета и снаряда просто складываются, снаряд летит по направлению движения самолета, и стабилизаторы это направление поддерживают. Поэтому стрелять вперед эрэсами можно без проблем. А когда вы пускаете снаряд против хода самолета, то скорости вычитаются, и, пока скорость реактивной струи мала, снаряд летит против нормального направления своего полета. В это время стабилизаторы при всем желании ничего не могут поделать, и, куда полетит снаряд, никто не знает.

– Товарищи члены военного трибунала, – заговорил комиссар. – Все это очень неожиданно, но я полностью согласен с товарищем лейтенантом госбезопасности. Вот только в протоколе нам обязательно нужно отразить это разъяснение, так как в других авиачастях тоже могут предпринимать подобные рационализации.

Военюрист несколько секунд подумал и согласился. Особист, понятное дело, не возражал. Снова подозвали Шостака. Военюрист встал и скучным голосом зачитал, что трибунал 13-й БАД в составе таких-то и таких-то, в присутствии порученца командующего фронтом такой-то, рассмотрел дело подполковника Шостака и не нашел в его действиях состава преступления. В связи с чем подполковник Шостак полностью оправдан и может приступить к выполнению своих служебных обязанностей. Трибунал также рекомендует временно прекратить установку на бомбардировщики Пе-2 направляющих для реактивных снарядов РС-82 для защиты хвостовой части самолета.

Шостак радостно вскинулся, но потом вдруг побледнел и упал. Я подскочила и послушала пульс. Слава богу, пульс был, хотя и слабый. Вспомнила про активные точки на руке и провела небольшой массаж. Через пару секунд лицо подполковника порозовело, и он зашевелился.

– Ну вот, – раздался за моей спиной голос комиссара, – его оправдали, а он тут же, как гимназистка, в обморок падает. Скажи вот спасибо лейтенанту. Это она тебя оправдала.

– Никак нет, товарищ комиссар. Это не я, а сэр Исаак Ньютон.

– Вы вовремя об этом законе вспомнили. Жаль только, что те рационализаторы, которые предложили эту идею с эрэсами, про этот закон не знали или забыли.

– Знаете, товарищ комиссар, мне вот тут пришла в голову мысль, что за незнание некоторых основополагающих законов природы тоже неплохо было бы отдавать кое-кого под трибунал.

– Вы слишком уж строги, товарищ лейтенант. Так вы нас совсем без командиров оставите. Но в данном случае товарищу Шостаку здорово повезло.

– Так точно, товарищ комиссар. Повезло. Большое спасибо вам, товарищ лейтенант госбезопасности. – Это уже Шостак включился.

– Большое пожалуйста, товарищ подполковник. Вот только что мне делать с приказом товарища Жукова? Он ведь распорядился доставить вас к нему вместе с резолюцией трибунала. Товарищ Жуков сказал, что будет лично утверждать это решение. Так что пойду звонить и испрашивать новые указания.

Шостак с комиссаром пошли по своим делам, а я двинулась в штаб дивизии. Там я снова связалась с товарищем Жуковым и доложила, что трибунал Шостака полностью оправдал. Товарищ Жуков заинтересовался моим участием в таком решении. Я ответила, что да, участвовала, но для принятия оправдательного решения использовала не авторитет комфронта, а авторитет Исаака Ньютона. Вот тут Жуков даже закашлялся. Потом понял, что лучше выяснить это при личной беседе, и велел, прихватив протокол, срочно ехать в штаб, тем более что в

конце дня уже намечено перебазирование штаба в окрестности Могилева. Шостака разрешил не привозить.

К обеду наша команда благополучно вернулась в штаб фронта, причем в одном из направлявшихся на переформирование полков мне удалось прихватить несколько кусков слегка порванной маскировочной сетки. Леша их соединит, и мы сможем в случае чего маскировать наш автомобиль. По прибытии ребят я отправила отдыхать, а сама, как водится, пошла докладывать. Но товарищ Жуков проводил какое-то важное совещание, в присутствии на котором порученцев никакой необходимости пока не было. Это меня порадовало, так как появилось время для составления отчета. Надо же как! Меньше чем за три месяца составление отчетов вошло у меня в привычку, которая, как известно, вторая натура. Мне вдруг пришла в голову парадоксальная мысль, что если так пойдет и дальше, то скоро я даже после встречи с Васей на следующее утро первым делом побегу писать отчет. Какая только чушь не лезет в голову! А впрочем, хотя и чушь, но можно будет при случае приколоться. Напишу подробный отчет о том, как я провела предыдущий вечер, и вручу своему начальнику, то есть Васе. Интересно, как он отреагирует. Размышляя на подобные темы, я тем не менее всего за час справилась с отчетом, сдала его в особый отдел и снова пошла на ковер к начальству. Посмотрев на мою довольную физиономию, Жуков заподозрил неладное и задал традиционный для меня вопрос:

– Так. Кажется, и во время ночной поездки у вас что-то произошло? Доложите.

Я поняла, что о ночных диверсантах ему еще не сообщили, а может быть, и не должны были. В конце концов, не будут же командующему целым фронтом докладывать о каждом чихе во вверенных ему войсках. Но если ему это интересно, то пожалуйста.

– Когда полк находился на марше, товарищ генерал армии, к нему пытались присоединиться немецкие диверсанты, с целью помешать выполнению боевого задания. Диверсанты были выявлены и частично захвачены, а частично уничтожены.

– Какое конкретно участие в этом приняли лично вы?

– Я случайно установила, что имеем дело с диверсантами, и тут же доложила об этом командиру полка и начальнику его особого отдела. А они уже организовали задержание и уничтожение диверсантов.

– Хорошо, что сама не полезла их задерживать, а то у тебя бы и на это ума хватило, – проворчал Жуков.

Я при этом подумала, что если бы он расспросил меня о деталях, то его тон был бы далеко не таким мирным. Наверное, у нас с Жуковым установилась какая-то телепатическая связь, потому что он вдруг, кинув на меня подозрительный взгляд, продолжил:

– Уверен, что ты и в этом случае подставляла свою голову, но не хочу вникать в детали, чтобы не портить себе нервы. Теперь доложи о трибунале.

Я рассказала о том, как проходило заседание. Шостак был практически не виноват (*разве что сам должен был сообразить, что РС в самом начале могут полететь хвостом вперед*). Жуков, выслушав все это, только покачал головой. Потом уточнил, что материалы с рекомендациями буду разосланы по всем авиачастям, и, наконец, отпустил меня с миром.

Я моментально выскочила из кабинета и первым делом разыскала Серафимова. С гордостью вручила ему пару цейссовских биноклей, предупредив, правда, о строгом их учете, чтобы не возникли ненужные подозрения. Нужно было видеть лицо Серафимова, когда он буквально трясущимися руками брал эти бинокли. К сожалению, я к этому моменту еще не придумала, что бы такое слупить взамен. Пристроив бинокли, воспользовалась тем, что появилась малая толика свободного времени и стала прикидывать варианты дальнейшего развития событий. Ну не нравится мне, когда события ведут меня, а не наоборот.

Итак, что меня ждет в ближайшем будущем? Я мотаюсь по штабам армий и корпусов. Иногда попадаю и в дивизии. Всюду суматоха и дерготня – война, однако. Мы постоянно сдаем

назад, хотя и крепко огрызаемся. До сих пор еще ни одно крупное войсковое соединение не попало в полное окружение, но ежу понятно, что постоянно так везти не будет. Немцы вот-вот разгадают хитроумные планы Жукова и подчиненных ему командармов, и тогда мало не покажется, тем более что ресурсов у нас все меньше и меньше. Не успевает пока наша промышленность компенсировать потери в самолетах, танках и грузовиках. А только людьми много не навоюешь. Тем более что немцы, имея существенное превосходство в воздухе, могут позволить себе такую роскошь, как воевать строго по расписанию, то есть начинать после того, как рассвело, и заканчивать в сумерки. А нашим бойцам приходится пешкодралом по ночам перебазироваться из пункта А в пункт Б. Ясно, что уставшие за ночь бойцы не могут днем хорошо воевать. Это нам, штабистам, пока хорошо живется – успеваем хоть и немного, но выспаться. Впрочем, чувствую, что это тоже ненадолго. И какой из этого вывод? Очень печальный – скоро струна может лопнуть. Нужно готовить линии обороны, на которых уже можно было бы крепко задержаться. Наверняка в тылу сейчас именно такие линии готовят, но нам пока от этого не легче. Значит, скоро начнутся и окружения, и, чего греха таить, сдачи в плен.

Что же касается меня, любимой, то лично мне в плену ничего не светит, кроме пыток и пули. Это я и без слов Жукова прекрасно понимала. А с другой стороны, шансы при выполнении какого-либо поручения попасть в окружение все возрастают. Об этом, кстати, еще в Москве говорил мне Берия. Следовательно, нужно готовиться к действиям в окружении. Понятное дело, что одна я много не навоюю, поэтому можно в качестве некоторых исходных данных предположить, что выходить из окружения я буду в составе какой-либо группы бойцов и командиров. В первую очередь приходит на ум моя собственная группа: Леша и Костя. Почему я о них подзабыла? Пару месяцев назад радовалась, что могу целую роту тренировать, а тут о своих подчиненных не озаботилась. Сегодня же начну с ними ускоренную подготовку. Нужно только подобрать правильный комплекс упражнений для такой подготовки. Потом вооружение. Со стрелковым оружием все в норме, а вот насчет всего остального... Да, есть ящик гранат. Могу достать еще один ящик. И все? А мины? При случае мины очень даже могут пригодиться – например, чтобы сбивать со следа тех, кто станет нас преследовать. Плохо только, что мин у нас нет. Нет ни в штабе фронта, ни в армиях – все пустили на минирование дорог при отступлении, и сейчас на всем фронте почти по нулям. Я сама для Ипполитова последние на складе выскребала. Правда, есть взрывчатка. Для моих личных нужд генерал Васильев десятков-другой толовых шашек выделит. Несколько килограммов у него всегда найдутся. Теперь нужно еще подумать о том, как мы все наши грузы будем перемещать, то есть, попросту говоря, тащить. Машину в любой момент могут капитально повредить, и тогда все придется тащить на себе. А ведь все не утащим. Значит, нужно составить список первой очереди и список второй очереди. Вот этим я и занялась.

Сразу выяснилось, что все вооружение мы пару-тройку километров, конечно, протащим, но, чтобы вот так на марше, а точнее, по лесным тропинкам – это никак. Какое же оружие с собой точно надо тащить? СВТ-40 – это без обсуждения, «парабеллум» тоже. Вальтер? Он тоже очень даже пригодится. А вот наган мне уже не слишком будет нужен. Его – во второй список. Гранаты. Три или четыре штуки на каждого.

В атаку с ними вряд ли побежим – значит, достаточно взять только Ф-1, в просторечии именуемую лимонкой. К гранатам неплохо бы иметь по два-три куса тола. Они не тяжелые, зато вкупе с гвоздями и гайками самое оно. А также веревочки и тряпочки для совместного увязывания. С ножами попроще. У каждого из нас есть по неплохому ножу, которым и хлеб можно нарезать, и как оружие использовать. И еще не забыть про патроны. Сотня на винтовку и по пятьдесят на пистолет. А это, между прочим, уже приличный вес. И еще еда, аптечка, средства гигиены, одежда и обувь. Что касается одежды – шинель в начале июля не сильно нужна, поскольку достаточно тепло, а вот плащ-палатка – самое оно. В ней и от дождя укрыться можно, и поспать. Теперь про обувь. В какой-то книге о партизанах я читала, что очень хороши

лапти. Но к ним, кажется, нужны какие-то обмотки. Да и сами лапти неизвестно где достать, а делать их мы не умеем. Хотя надо бы ребят расспросить – вдруг кто из них и может. Леша-то деревенский. Но лапти хороши в лесу, а если, скажем, лазать по камням и т. п., то тут только сапоги, поэтому про лапти забыли. Ой, а ведь обязательно нужны лопаты и топор. Лопатка нужна каждому для окапывания, зато топора хватит одного. Конечно, хорошо бы и арбалеты взять, но это как фишка ляжет. Их во второй список. Туда же масксеть и некоторые другие полезные, но не жизненно нужные предметы.

Тут мне пришла еще одна важная мысль. Если мы поедем на машине и вдруг попадем под обстрел или бомбежку, то надо уметь быстро выпасть из машины, не забыв при этом багаж из первого списка. Вот еще одна обязательная тема для тренировки. Полезно также прикинуть, как наша группа должна будет располагаться при обороне, если вдруг придется отстреливаться: кто в центре, кто справа и кто слева. Собственно, в центре, наверное, все-таки я. Помнится, у чеченцев снайпера всегда сопровождали двое: пулеметчик и гранатометчик. Гранатометов и подствольников у нас нет, но гранаты будут. Значит, примерная схема будет такой: я в центре со своей «светкой»⁸, справа – Леша с автоматом и гранатами, а слева Костя с пулеметом. Вот и хорошо, вот и ладушки. Пора к ребятам.

Я быстро нашла своих бойцов и с ходу устроила им нелегкую жизнь. На закуску изложила свои мысли о ближайшем будущем. С этими мыслями они полностью согласились. Потом объяснила, чему и как буду их обучать, а затем, не откладывая в долгий ящик, тут же провела часовую тренировку по рукопашному бою. Оказалось, что Костя кое-что умеет – опыт финской войны для него даром не прошел. А Леше, кроме хорошей физической подготовки, похвастать было нечем. Зато метание гранат у них сразу пошло на ура. Посмотрев, как они уверенно и достаточно далеко кидают гранаты, я со спокойной душой отдала им почти весь свой запас. Затем мы набили машину вещами и стали тренироваться в быстром выскакивании из машины. При этом я заметила, что кое-кто из штабных работников с интересом следит за нашей тренировкой. Пусть наблюдают – мне не жалко.

⁸ Так иногда называли винтовку СВТ-40.

Глава 6

Тренировки три дня шли, можно сказать, в штатном режиме. Мы катались по разным частям, но всегда находили время для занятий. Обычно это было при ожидании очередного поручения в штабе фронта или ответа на доставленный приказ в штабе какой-либо армии. Кроме того, иногда по дороге я неожиданно командовала: «Воздух!» или «Танки справа», – и мы моментально выскакивали из машины, прихватив вещички. С каждым разом получалось все лучше. Еще за это время мне удалось пару раз позаниматься с Романовым тактикой для отделения и взвода. Но это, к сожалению, было урывками, и, боюсь, пользы от этого я почти не получила. Хотя все-таки лучше, чем вообще ничего.

Кстати, наш штаб переехал-таки на новое место в окрестности Могилева. А положение 3-й армии вообще стало критическим. Как я поняла из бесед в нашем штабе, немцы, видя упорное сопротивление Западного и Юго-Западного фронтов, решили повременить с наступлением на Ленинград и повернули основную массу северной группировки на юг. Так что в этой реальности до блокады Ленинграда, может быть, и не дойдет, но окружение по крайней мере 3-й армии становится почти неизбежным. А тогда, по словам генералов, нависнет угроза и над всем Западным фронтом. В довершение всего связь со штабом армии оказалась утраченной. Что там произошло, никто в штабе фронта понять не мог, поэтому 8 июля Жуков решил направить туда меня с очередным пакетом и с наказом разобраться что там и как. Причем в нагрузку дал мне еще радиста, которому надлежало остаться при штабе для обеспечения надежной связи. Понятное дело, что к радисту прилагалась и рация отнюдь не маленьких размеров. Хорошо еще, что машина у меня открытая и места для всех и для всего хватило.

Понимая, что в этот раз мы едем в неизвестность, я перед выездом еще раз всех проинструктировала. Конечно, в первую очередь такой инструктаж был нужен радисту, так как он был для нас новичком и в критической ситуации мог, сам не желая того, путаться у нас под ногами. Кстати, у него помимо рации был еще и автомат, что меня порадовало. С утра моросил небольшой дождик, поэтому мы все накинули плащ-палатки. Именно накинули, так как день обещал быть жарким (*июль как-никак*), и мы надеялись через пару часов их скинуть. В последний раз я все проверила. Леша по моему приказу показал масксеть, которую мы научились моментально накидывать на наше транспортное средство, после чего сел, наконец, за руль, и наша команда тронулась в путь.

Н-да. Ездили мы и впятером, но пять человек, кажется, лучше, чем четыре человека и железный сундук, именуемый рацией. Он, зараза, на каждой колдобине подставлялся под мой бок, и мои мечты о том, чтобы подремать, оказались неосуществимы. Пришлось заняться тем же, чем у нас в основном занимался Костя, то есть наблюдением за всем, что только можно увидеть. В первый час видели мы ставшую уже традиционной картину идущих на восток беженцев. Сердце сжималось от жалости к этим людям, все время появлялись мысли, что мы никак не можем переломить ситуацию. Более того, иногда мне в голову приходила крамольная мысль, что, может быть, в той, моей истории не было такой катастрофы, потому что представить иное, худшее, мозг просто отказывался.

Но вот беженцы перестали нам попадаться. С одной стороны, ехать стало легче, и Леша даже сумел увеличить скорость, но, с другой стороны, я никак не могла понять, куда же исчезли все люди? Вот они шли мимо нас, и вот вдруг никого нет. Причем мы как раз ехали по дороге, делившей почти точно пополам довольно большое поле. Где-то впереди, примерно в километре виднелся лес, и, поскольку мы не первый раз ехали этим маршрутом, я уже знала, что за этим небольшим перелеском дорога повернет и снова пойдет через поле с небольшими кустарниками. А настоящий лес начнется еще километра через два. Я буквально извертелась, но никого не видела. Ой, а ведь есть же бинокль. Схватила бинокль и стала уже не так быстро смотреть

по сторонам. И тут мне стало понятно, почему никого нет на дороге. Справа, с востока появились сначала мотоциклисты, а потом и танки. В бинокль я хорошо рассмотрела, что это немцы. Непонятно было только, почему они движутся с востока, то есть со стороны наших войск. Ох, так это и есть один из их традиционных немецких прорывов с целью рассеяния, окружения и потом уничтожения противника. И куда нам теперь? Вроде бы ясно – только вперед. Дорогу сзади нам вот-вот отрежут. А впереди все-таки наша армия. Тут я заметила еще одну неприятную вещь: в нашу сторону отвернули четыре мотоцикла, в коляске каждого из которых сидел пулеметчик. Хорошо еще, что дорога у них пока неровная – трудно будет прицелиться, но ясно как божий день, что нашу машину они взяли на заметку и так просто теперь не отвяжутся.

И что теперь делать? Отработанный нами метод быстрой высадки из машины пока бесполезен: машину прихватят, а за нами пустят взвод, и пишете письма. Тут мне в голову пришла такая дикая мысль, что, узнай о ней Жуков, с ним стало бы плохо. Впрочем, на войне иногда проходят именно авантюры. Короче, я скомандовала:

– Леша, сейчас дорога немного повернет, и мы снова попадем почти на такое же открытое пространство. Но на какое-то время немцы потеряют нас из виду. Поэтому после поворота метров через двести высади нас с Костей, а сам поезжай дальше с радистом. Я отсюда дорогу до дивизии хорошо помню и не заблужусь. Заодно предупредишь командарма о прорыве. Все понял? Выполняй.

– Товарищ лейтенант... – начал Леша.

– Леша, не спорь, а выполняй. Я еще жить хочу, но если потеряем несколько секунд, то шансов у нас практически не останется.

Леша понял, что сейчас не время для спора, и надавал газу. Вот поворот, сейчас будем выскакивать.

– Костя, готов?

– Готов.

Двести метров прокатили, немцев сзади пока еще не видно. Пора.

– Пошли.

Мы с Костей выскочили из машины, и она поехала дальше. Хотя поле и выглядело ровным, но, конечно, на нем были небольшие ложбинки. В одну из них заныкалась я, в другую – Костя.

– Костя, стрелять по команде и начнешь с последнего мотоцикла. Первый мотоцикл не трогать. Понял?

– Так точно.

– Ждем.

Через пару минут выскочил первый мотоцикл, еще через несколько секунд стали видны все преследователи. Пулеметчики в колясках уже начали стрелять. Еще чуть-чуть, и Леше может не поздоровиться. Я первым выстрелом сняла пулеметчика головного мотоцикла. Костя тут же загасил два последних мотоцикла и перенес огонь на третий. Тот попытался развернуться, но не успел. Костя действительно классный пулеметчик. Первый мотоциклист тем временем проехал еще метров пятьдесят и тут обнаружил, что напарник-то тютю. Он притормозил да так и остался в седле. Только наклонился немного. Устал, наверное, с дыркой в голове ехать.

– Костя, страхуй.

Я пулей рванула вперед. Вроде бы пока других преследователей нет. Подбежала к мотоциклу и сначала схватила седока. Выдернула его и немного оттащила в сторону. Потом с большим трудом, подстегиваемая адреналином, выволокла и пулеметчика. Сдернула с каждого немца каску и плащ и пихнула их в коляску. Автомат у мотоциклиста туда же. Под один из трупов я сунула лимонку с выдернутой чекой. Так, на всякий случай. После этого запрыгнула на мотоцикл и лихо подкатила к Косте. Мы напялили немецкие плащи и надели каски. Я велела Косте бросить его пулемет, так как он мог нас демаскировать, но Костя заартачился:

– Товарищ лейтенант, меня за утрату оружия могут расстрелять.

– Так ведь твой пулемет нас будет демаскировать!

– Ничего. Я сейчас диск сниму и уложу в коробку, а ствол суну в коляску вместе с вашей винтовкой. Их практически не будет видно.

Я решила, что совет правильный, так мы и сделали. В довершение всего себе на шею я повесила немецкий автомат. После этого мы спокойно покатали вперед. Метров через триста, подъезжая к лесу, Костя оглянулся и сказал, что за нами едут еще два мотоцикла. Но не стреляют. И правильно делают. Нечего по своим стрелять. Я подумала, не стоит ли еще и этих того. Но вспомнила, что жадность фраера сгубила. Поэтому только прибавила скорости. Через какое-то время Костя еще раз повернулся и сказал, что немцы вроде как отстали. Вот и славно. Пока мы ехали, я в очередной раз поняла, насколько хорошо майор Григорьев разбирается в людях. Когда я ему плакалась, что мне плохо при виде трупов, он как в воду глядел, сказав, что скоро это пройдет. И вот теперь не моргнув глазом я сначала двух немцев превратила в трупы, а потом еще шустро их раздела. И никаких обмороков, а, наоборот, очень даже бодро себя чувствую. Примерно через километр Костя забеспокоился:

– Товарищ лейтенант!..

– А, что? Что-то не так?

– Да все вроде бы так, но вот мы скоро подъедем к нашим и получим от них встречное приветствие. Что делать будем?

Так ведь правда. Как наших предупредить? Я сунула руку в карман и нащупала там носовой платок. Пожалуй, маловато будет. Пришлось остановить мотоцикл. Велела Косте отвернуться, подняла гимнастерку и от рубахи оторвала солидный лоскут белой ткани. Вот теперь будет отличный белый флаг. Каски и плащи тоже сняли, но выбросить их жаба не позволила – а вдруг еще пригодятся. Снова поехали, и в дороге Костя привязал ткань к стволу винтовки, так что к штабу армии мы подкатили более или менее спокойно, хотя и под дулами винтовок. Окончательно обстановку разрядил Леша, который радостно к нам подбежал.

Я передала пакет командарму и доложила обо всем, что с нами произошло. Он только головой покачал, а потом сказал:

– Рад за вас, товарищ Северова, что все обошлось. Вот только как вы назад добираться будете? Наша армия, как вы уже и сами поняли, попала в окружение. Очень хорошо, что вы привезли радиста, а то наш узел связи немцы разбомбили. То ли как-то засекли по радиопередателю, то ли их разведка сработала. Вот мы и не могли информировать товарища Жукова. А теперь до выхода из окружения вы останетесь при моем штабе. С товарищем Жуковым я это сейчас согласую. Вопросы есть?

– Есть не вопрос, а просьба, товарищ генерал-лейтенант. Я тут на белый флаг рубашку извела. Хотелось бы другую раздобыть.

– Это просто. Идите в хозчасть, там все получите.

Ну вот, за что боролись, на то и напоролись. Интересно только, в качестве кого я тут буду при штабе?

Благополучно обменяв остатки своего, извините, исподнего на новую чистую рубаху, я вернулась к штабу армии. И очень вовремя, скажем, вернулась. Костя и Леша из последних сил сдерживали натиск какого-то капитана, который требовал немедленной сдачи трофеев. Мои ребята в ответ терпеливо объясняли, что раз мы из штаба фронта, то и трофеи должны быть доставлены в штаб фронта. Со стороны это выглядело забавно, но рядовой и сержант, конечно, не смогли бы долго сопротивляться капитану, поэтому я решила вмешаться:

– Товарищ капитан, это моя группа и трофеи тоже мои.

Этот капитан раньше меня не видел и, столкнувшись нос к носу с лейтенантом НКГБ, несколько увял. По званиям мы, разумеется, были равны, но никто из армейских не желал

связываться с гэбэшниками. Чтобы сохранить лицо, капитан решил воззвать к моему здравомыслию:

– Товарищ лейтенант госбезопасности. По действующим правилам все трофеи подлежат немедленной сдаче трофейной команде, которая при штабе нашей армии подчиняется мне. Поэтому я потребовал от ваших бойцов сдать все захваченные вами трофеи. Вам, разумеется, будет выписана расписка положенной формы.

Начинать свою пусть и временную службу в штабе армии с конфликта мне не хотелось, но и с трофеями расставаться было жалко. Я решила сделать хитрый ход:

– Товарищ капитан. Мы относимся к штабу всего Западного фронта и формально вашему штабу не подчиняемся. Однако ввиду сложившейся обстановки моя группа временно перешла в подчинение штабу 3-й армии. Я с вами полностью согласна, что инструкции надо выполнять, но полагаю, что данный вопрос следует обсудить со старшими по званию. Я сейчас пойду в особый отдел, так как мне все равно нужно написать отчет о том, как к нам попали эти трофеи. Вот начальник особого отдела и скажет, как нам следует поступить с этим имуществом.

Капитан скривился, но понял, что тут ему не обломится, и отошел. А я действительно пошла искать начальника особого отдела. Чем ждаться, когда меня припадут к какой-нибудь малоприятной работе, лучше взять инициативу в свои руки и заняться тем, что уже как-то освоила. Помнится, в 3-й армии и до войны не хватало особистов, а теперь, наверное, их вообще почти нет. Тут и поработаю, если только мне внятно объяснят, что и как надо делать.

Мои прогнозы оказались верными. Начальником отдела военной контрразведки 3-й армии был полковник Астахов, размещавшийся в настоящее время вместе со своим отделом в просторной шатровой палатке, тщательно укрытой сверху маскировочной сетью. У входа в палатку стояли двое часовых. Еще трое бойцов охраняли палатку по периметру. Мне почему-то показалось, что штат у полковника невелик. Так и оказалось на самом деле. После двух недель тяжелых боев в подчинении у Астахова из профессионалов осталось всего три человека: лейтенант и два сержанта. *Себя я, разумеется, профессионалом не считала, но, во-первых, все-таки по нашему направлению работы знала и умела чуть больше обычных пехотинцев, а во-вторых, информировать полковника об этом не собиралась.* Поэтому моим словам о том, что я готова пусть и временно, но перейти в его подчинение, Астахов искренне обрадовался, пообещав, что сам согласует с командармом мое временное место работы. А когда я сказала, что вместе со мной он получит еще двух бойцов, один из которых отличный пулеметчик, а второй – классный шофер, полковник был на седьмом небе от счастья. Разумеется, ни о какой сдаче трофеев на сторону он даже слушать не захотел, тем более что в его машину как раз вчера попал снаряд. А тут не только машина с шофером, но и вполне себе отличный мотоцикл, который при внимательном рассмотрении оказался изделием компании БМВ. Вот никогда не думала, что придется ездить на бумере-мотоцикле. Я даже не подозревала, что компания БМВ вообще выпускала мотоциклы. Зато теперь знаю, и, более того, кажется, он и станет моим транспортным средством, так как Лешу с машиной Астахов решил взять себе.

– Конечно, только на время, только пока вы здесь, товарищ Северова. По первому требованию верну. Обещаю.

Н-да, знаем мы мужиков и их обещания. Как там в анекдоте: «Мало ли, что я на тебе обещал»⁹. Вернет он! Впрочем, именно мне вернет, только он этого еще не знает, и не буду пока полковника огорчать. Мне с ним работать. Но Костю с пулеметом я не отдала. Правда, полковник на этом и не настаивал. А еще я, по совету Кости, сразу переоформила пулеметы. Он сдал Дегтярева, а себе оставил МГ-34. Не знаю почему, но немецкий пулемет Косте понравился больше. В конце концов, пулеметчик он – ему и виднее. Вполне возможно, что и с патронами к трофейному пулемету будет проще, так как снабжения до выхода из окружения у нас не будет.

⁹ Вот этот анекдот полностью: «Вань, ты же обещал на мне жениться. – Мало ли, что я на тебе обещал».

Подумала о снабжении и тут же сообразила, что недолго нам ездить на машине и мотоцикле. С бензином-то будут проблемы, и немаленькие. Так что скоро все мы, начиная с рядовых бойцов и кончая генералами, пойдем ножками.

Полковник куда-то выскочил и через несколько минут вернулся с бойцом средних лет.

– Вот, товарищ Северова, пока вы здесь, товарищ Климат будет при вас ординарцем. Он поможет вам ориентироваться и будет все время вас сопровождать. Теперь, товарищ Климат, идите и подождите товарища лейтенанта снаружи. Вот вам, товарищ Северова, продовольственные аттестаты на вас и ваших людей, хотя в настоящей обстановке это скорее громкое название, чем реальность, но все-таки кое-что вы по ним получать сможете. Например, махорку или, если вы не курите, шоколад. А теперь расскажите вкратце о себе. Мне нужно знать, что вы умеете.

Оп-па. Он совершенно прав, так как должен знать, с кем ему работать, но что именно ему рассказать? Реальную биографию нельзя, врать не хочется. Ладно, кажется, придумала.

– Товарищ полковник, на самом деле у меня полномочий больше, чем просто у порученца командующего фронтом. Вам что-нибудь говорит такая фраза?

И я сказала ту кодовую фразу, которую мне в свое время велел выучить товарищ Берия. Вот тут полковника проняло. Он в растерянности поглядел на меня, а потом сказал:

– Товарищ лейтенант, но сейчас я не могу связать вас с теми, кто вам нужен.

– Так и не надо об этом беспокоиться, товарищ полковник. Я просто хочу объяснить причины, по которым почти ничего не могу рассказать о себе, и прошу на меня за это не обижаться.

– Нет-нет. Что вы! Ни о каких обидах и речи нет. Мне просто нужно понять, что и как вы умеете делать.

– Видите ли, товарищ полковник. Я в НКГБ работаю совсем недавно. Но на моем счету есть несколько задержанных бандитов и диверсантов. А до того, как меня призвали в НКГБ, я преподавала рукопашный бой в роте НКВД. Как вы знаете, стреляю из снайперской винтовки и из пистолетов с обеих рук. Еще вот научилась отчеты писать. Кстати, разрешите, я сейчас минут за тридцать напишу отчет о последних событиях, в которых принимала участие.

– Конечно, товарищ Северова, садитесь и пишите. Тут вас никто не побеспокоит.

Надо отдать должное Астахову. Получив мой отчет, он, перед тем как спрятать его в сейф, внимательно все прочитал. Ну прямо второй майор Григорьев. Потом посмотрел на меня и, сделав для себя какие-то выводы, заговорил:

– Конечно, то, что вы устроили по дороге сюда, была чистейшей воды авантюра. Но, честно говоря, думаю, что другого выхода у вас не было. Немцы вас и догонять не стали бы, а просто в прямой видимости причесали бы как следует из пулеметов. Поэтому ваши действия полностью одобряю, но должен сделать замечание. Или, если хотите, не замечание, а просто дам дружеский совет. При поражении противника всегда старайтесь забрать у него документы. Карты, пакеты и т. п. – это само собой. Но нужно брать и самое простое – немецкие солдатские книжки. Это будет лучшим подтверждением ваших слов. Да, я понимаю, что в данном конкретном случае времени у вас не было. И кроме того, ваши трофеи говорят сами за себя, поэтому двух немцев я со спокойной совестью могу на вас записать. А вот про остальных четверых буду обязан указать, что это с ваших слов.

– Простите, товарищ полковник. А что, вы на основании моего отчета тоже будете писать отчет?

На эти слова, сказанные с некоторым нарушением субординации, полковник улыбнулся и пояснил:

– Конечно буду. Только не отчет, а представление к правительственной награде. Исправные вражеские мотоцикл и пулемет с боекомплектom на дороге не валяются. И бойцов, захва-

тивших такие трофеи, полагается представлять к награде. Не так уж часто нам сейчас достаются подобные трофеи. Поэтому я напишу представление на вас и вашего пулеметчика.

Вот это номер! Товарищ Жуков обещал медаль за пленного, а этот – тоже какую-то награду за трофеи. Конечно, не за награды воюю, но с наградами будет как-то веселее. А уж перед кем похвастаться, я всегда найду. Пока я так размышляла, полковник снова заговорил:

– И вообще, ваше приключение вполне подходит для газеты. Сейчас подобные статьи появляются почти в каждом номере. Нужно вселять в бойцов дух уверенности, а то многие еще робеют перед немцами.

– Извините, товарищ полковник, но вот статьи пока не надо. Не стоит афишировать методы, которые еще могут пригодиться.

– Тут вы, пожалуй, правы. Ладно, десять минут вам на обустройство, а потом подходите сюда за заданием. Дел у нас невпроворот, и все сверхсрочные.

– Слушаюсь, товарищ полковник.

Климаш проводил меня и Костю к палаткам, в которых размещались бойцы и командиры. Я по традиции попала в женский коллектив медсанбата, а Костя – в роту охраны. Все службы штаба армии были расположены очень компактно, но в довольно густом лесу без провожатого я точно моментально заблудилась бы между деревьев и палаток. По какой системе здесь все разместили, я так и не смогла установить. Впрочем, не очень-то и хотела. Короче, через десять минут я снова была в особом отделе и ждала Астахова, который куда-то исчез. Вскоре Астахов появился и в первую очередь сообщил, что согласовал с генералом то, что я пока буду работать в особом отделе. После этого он начал меня грузить. Я в процессе «загрузки» сообразила, что он где-то сумел навести обо мне справки, так как, не зная некоторых вещей, не смог бы так уверенно ставить мне задачи. А задач этих оказалось выше крыши.

В первую очередь, как и все особисты, я должна была беседовать с выходящими из лесов бойцами разбитых частей. Потом на меня возложили обязанность вести стрелковую подготовку новобранцев, то есть тех, кто был мобилизован после начала войны. Туда же добавилась физподготовка. Отдельной статьей шел поиск диверсантов. И в довершение всего, участие в работе трибуналов. Короче, 24 часа в сутки нужно было работать, зато все оставшееся время можно было отдыхать. Я еще забыла сказать, что «приятным дополнением» к моим нагрузкам было то, что все это нужно будет делать на ходу, так как завтра армия начнет выход из окружения. Сейчас как раз в штабе идет обсуждение, как и куда двигаться, чтобы и народу побольше сохранить, и немцам нанести максимальный урон. Только я решила, что получила полный список заданий, как выяснилось, что поторопилась. Полковник не закончил перечисление, а просто прервался на пару глотков воды, после чего дружелюбно так посмотрел на меня (как удав на кролика) и добил следующими словами:

– А еще к вам будут поступать отчеты наших разведгрупп. Из этих отчетов будете отбирать *интересующую нас* информацию и составлять сводный отчет. И в конце концов, при серьезной угрозе все особисты принимают участие в боевых действиях. Именно поэтому нас так мало осталось. Да, пока не забыл.

Зайдите к кадровику – Климат вас проводит – и возьмите у него удостоверение с вашей новой должностью.

Про участие в боевых действиях было понятно, но вот про чтение отчетов? На мое робкое замечание, что разведчики вроде бы должны отчеты писать для штабов своих частей, Астахов согласился, но заметил, что там и по нашей части бывает много полезной информации. Вот мне ее и придется вылавливать.

– Так что, товарищ лейтенант государственной безопасности, приступайте к работе. Для начала отправляйтесь в 24-ю стрелковую дивизию. Они за эту неделю собрали много бойцов из других разбитых частей. Вот с этими подбранцами и побеседуйте. Да, к ним также вышли несколько пограничников. Этих забирайте всех и оформляйте к нам в отдел. Они и так в нашей

системе – вот пусть теперь поработают в военной контрразведке. Если кто из пограничников особо понравится, то можете взять его себе в качестве помощника. Будут вопросы – обращайтесь лично ко мне. Все. Выполняйте.

– Есть выполнять.

Я вышла и сильно задумалась. Если я не придумаю, как мне все эти работы распределить по приоритетам и по срочности – да хотя бы просто по очередности, – то я просто захлебнусь, а результата не получу. Стоп, мне оставили Костю, а он, между прочим, сержант. Вот он пусть и занимается стрелковой подготовкой новобранцев. Дальше идут беседы с «чужими» красноармейцами. Тут тоже появилась идея. Сначала потребую к себе всех присоединившихся пограничников. Поговорю с ними и тех, кто понравится, сразу загружу подобной работой. Пусть по крайней мере проводят первоначальную фильтрацию. Что касается трибуналов, то надеюсь, что они будут заседать не каждый день. Ну и, наконец, хоть кто-то из особистов должен был остаться в живых в частях. Вот с ними и поделюсь работой – я не жадная.

Глава 7

Разместив Костю с его новым пулеметом в коляске и усадив на заднее сиденье Климата, я не спеша покатила в 24-ю стрелковую дивизию. Она оказалась совсем близко: не далее чем в полутора километрах от штаба армии. Это понятно, тем более что, как выяснилось, от самой дивизии, кроме штаба, осталось два неполных полка, а от всего особого отдела остался только один лейтенант-особист. Зато к ним за эту пару недель прибилося чуть менее батальона бойцов из разных разбитых частей фронта. Естественно, что особист смог пропустить за это время всего несколько десятков человек. Один, по словам особиста, оказался шпионом и тут же был расстрелян вместе с двумя дезертирами. Так как внятного объяснения от особиста, по каким признакам он вычислил шпиона, я не получила, то у меня возникли сильные сомнения, был ли расстрелянный действительно шпионом. Но озвучивать эту мысль особисту я не стала – все равно поезд уже ушел. Для себя решила, что пока я в дивизии, то подобные вещи обязательно возьму под контроль. Мои слова про пограничников особиста не очень-то воодушевили, но он вынужден был согласиться, что без толковых помощников нам не обойтись. Поэтому всех погранцов он пригнал мне на собеседование в приоритетном порядке. Костю я тем временем направила на занятия с новобранцами, не забыв попросить, кроме стрельбы, уделить время обучению правильному окапыванию. При этих словах Костя несколько удивленно посмотрел на меня.

– Костя, в чем дело? Ты что, считаешь, что этому учить совсем необязательно?

– Никак нет, товарищ лейтенант. Конечно, обязательно. Просто вы первая, кто специально указывает на это. Согласитесь, что странно подобные указания слышать от сотрудника НКГБ, когда далеко не все наши армейские командиры понимают важность хорошо выкопанных окопов. Впрочем, думаю, что теперь это дошло уже до всех.

– Правильно думаешь. А до кого не дошло, так того, скорее всего, уже закопали посторонние.

– Так точно, товарищ лейтенант. Разрешите идти?

– Иди и тренируй новичков до посинения (их посинения, разумеется).

Костя отправился на занятия, а я пошла в палатку особого отдела и стала ждать пограничников. Оказалось, что всего в распоряжение дивизии сумели выйти двадцать пять пограничников, но, к сожалению, только десять из них смогли остаться в строю. Остальные попали кто в медсанбат, а кто и в госпиталь. Может быть, это было и жестоко по отношению к раненым, но я не поленилась заглянуть и в медсанбат и выдернула оттуда еще пять человек. В условиях отступления каждый человек на счету, поэтому бойцы с легкими ранениями вполне могли заниматься несложной работой, не требующей физических нагрузок. Надо отдать погранцам должное – никто из них не стал ссылаться на ранения и плохое самочувствие. Наоборот, они все горели желанием снова встать в строй и были готовы хоть прямо сейчас идти в атаку. Я их горячность немного остудила, заявив, что теперь граница проходит прямо здесь. Пусть каждого шпиона или диверсанта, попавшего в расположение армии, считают нарушителем границы. Такой подход им понравился, и мне стало ясно, что с этой стороны больше проблем у меня не будет. Кстати, чем еще меня порадовали пограничники, так это тем, что все они были вооружены автоматами. На фоне обычных бойцов, вооруженных мосинками, мои пятнадцать пограничников выглядели очень внушительно. А еще среди них два бойца были сержантами, что тоже радовало – проще будет управлять всей командой.

Одну пятерку я сформировала из самых здоровых (в смысле не раненых) и в сопровождении Климата отправила пешим ходом в штаб армии к Астахову. Это ему в помощь. Вторую пятерку назначила в помощь Косте для занятий с новобранцами. А третья пятерка, составленная из бойцов с легкими ранениями, осталась при мне. Я ввела их в курс дела, объяснив, что

именно им сейчас придется допрашивать чужих бойцов и отсеивать подозрительных. Особист выделил нам место в некотором отдалении от основной массы бойцов и прислал для допросов всех «посторонних», то есть бойцов, присоединившихся к дивизии за время боев. Кроме того, по моей просьбе он выделил взвод бойцов для охраны возможных арестованных. Я распределила всех допрашиваемых на пять групп, и работа пошла. Сама я непосредственно в допросах участия не принимала, а переходила от одной точки к другой, чтобы быстро решать возникающие вопросы. Таким конвейером мы за три часа пропустили около полутора сот человек. Пять подозрительных были арестованы и оставлены для дальнейшего расследования – остальные приписаны к разным подразделениям. Сделали небольшой перерыв на ужин и продолжили. Все закончили к часу ночи. Число арестованных подозрительных возросло до четырнадцати. Надо сказать, что особист не скрывал своего удивления скоростью нашей работы. Кто ему мешал раньше привлечь к этой работе пограничников, он так и не сказал. У меня возникло сильное подозрение, что парень либо оказался не на своем месте, либо получил сильный мозговой шок от всего происходящего. А может быть, он просто не умеет работать самостоятельно. Но все эти мысли я оставила при себе.

Закончив с допросами, я решила сделать перерыв. Он был просто необходим, поскольку голова у всех нас стала буквально квадратной от этих бесконечных допросов. По моей команде арестованных отвели и загнали в отдельную землянку, а мы, составив график дежурств, завалились спать. К сожалению, выспаться нам не удалось. Наверху вполне резонно решили, что двигаться лучше в темноте, когда риск попасть под бомбежку минимален. Поэтому только моя группа задремала, как пришла команда «выступать». Все быстро собрались и, полусонные, начали движение. К счастью, все было хорошо спланировано, и до рассвета нам удалось «без шума и пыли» пройти несколько километров и даже миновать большое поле, переходя из одного лесного массива в другой. Как только в небе послышался гул самолетов, дивизия моментально замаскировалась и затихла. Бомберы пролетели на восток, и мы уже собрались продолжить движение, но тут в небе появился мой старый знакомый – немецкий самолет-разведчик «Хеншель-126». Глядя на него, я с грустью вспомнила свой первый визит в 85-ю стрелковую дивизию. Как там мы с Васей в день приезда увидели в небе точно такой самолет, который уже тогда безнаказанно летал над позициями дивизии. Но в то время было строго запрещено их сбивать, а сейчас сбивать можно, да только истребителей не хватает. Так что приходится ждать. Вот тут мы и добрали недостающее время сна.

У меня всегда голова лучше варит после того, как выплюсь. Так и в этот раз. Пару часов покемарила и стала соображать намного лучше. Я, наконец, поняла, что нам следует делать с теми бойцами, кто не прошел первичный просмотр, вызвав определенные подозрения. С собой таскать их нам не с руки, особенно в такой сложной обстановке. А куда деть? С одной стороны, сейчас с дезертирами и диверсантами разговор короткий, заканчивающийся словом «расстрелять». Но, с другой стороны, даже генерал не может после боя приказать расстрелять такого-то. Во время боестолкновения – можно, а после – ни-ни. Обязательно трибунал. Вот и сейчас, пусть несколько человек взяты под арест как подозрительные, но ни дезертирами, ни диверсантами они пока не признаны. Поэтому без трибунала с ними ничего сделать нельзя. Значит, нужно провести заседание трибунала. А кого привлечь к работе трибунала? Военюриста – обязательно. Только он может все грамотно оформить. Потом нужен комиссар одного из полков. Третьим – особист или я, хотя мне этого очень не хочется. И еще нужен писарь для ведения протокола.

С этими мыслями я пошла разыскивать особиста – в конце концов, он здесь главный по подобным вещам. При встрече выяснилось, что мы думаем примерно одинаково, что меня несколько порадовало. А огорчило то, что дивизионный военюрист, по словам особиста, в настоящее время находится в медсанбате с серьезным ранением ноги. Договорились, что я

пойду в медсанбат, а особист будет искать комиссара и писаря. Мы также согласовали, что в качестве помощников при проведении заседаний трибунала будем использовать тех пограничников, которые проводили предварительные собеседования. Ведь именно по их словам те или иные бойцы оказались в списке подозрительных. В медсанбате мне показали носилки, на которых должен был лежать военюрист. Должен был, но не лежал, а внаглую, игнорируя требования докторов, стоял на костылях чуть в сторонке и курил. И вид у него был хотя и бледный, но довольно бодрый. Поэтому я, не испытывая особых угрызений совести, припахала его к работе. Услышав, что будет участвовать в работе трибунала, военюрист скорчил кислую мину, но потом честно признал, что лучше хоть такая работа, чем ничегонеделание. По-настоящему ему полагалось бы в госпиталь, но где взять госпиталь в процессе выхода армии из окружения? Тут и медсанбат-то одно название – вон вместо кроватей носилки приспособили. Договорились, что ему помогут добраться до места, в котором будет заседать трибунал. Я даже пообещала наличие двух бойцов для переноса носилок. На всякий случай. Короче, через час мы начали «трибунальский конвейер».

На заседание вызывался очередной задержанный. Его всем показывали и потом отводили в сторону.

Затем опрашивали пограничника, проводившего беседу. Он объяснял, что и как ему не понравилось в этом человеке. Затем задержанного обыскивали самым тщательным образом, задавали несколько вопросов и снова отводили в сторону. В результате выявили четырех диверсантов, у которых в разных местах одежды оказались вшиты тряпочки с немецкими удостоверениями. Этых сразу расстреляли. Еще у одного сдали нервы, и он попробовал сбежать. Дурачок решил, что лучше всего попробовать прорваться мимо меня – хрупкой девушки. Сделал страшное лицо и бросился прямо на меня, полагая, что в меня стрелять не станут и у него появится шанс. Насчет стрелять он был полностью прав, а вот насчет шанса ошибся. В результате к стенке, то есть к ближайшему дереву, его пришлось подтаскивать, так как ногу я ему успела сломать. Еще четыре человека оказались командирами, переодевшимися в форму рядовых бойцов. Этых вычислил, между прочим, сам военюрист (*надо будет потом выяснить, по каким признакам он это установил*). Что с ними делать, мы не знали. С одной стороны, безусловно, струсили, но, с другой стороны, никуда не убежали и присоединились к армии. Тут в нашем трибунале возникли разногласия. Комиссар склонялся к расстрелу. Особист свое мнение не озвучил, но было заметно, что он в непонятках. Мне и военюристу казалось, что надо бы помягче, только как именно? Я чуть было не заикнулась о штрафбате, но потом спохватилась: а вдруг их еще не ввели¹⁰. Но кое-что о штрафбатах я помнила, поэтому предложила:

– Товарищи, у нас сейчас каждый боец на вес золота. А эти горе-командиры хотя и проявили трусость, но все-таки знают и умеют больше, чем обычные бойцы. И в плен они все-таки не сдались. Поэтому давайте временно как бы разжалуем их в рядовые, тем более что своими действиями они это, строго говоря, предопределили. Пусть повоюют с винтовками в руках. Если будут воевать храбро, то, выйдя из окружения, напишем каждому соответствующую бумагу, что исправился. А если кто еще раз струсит, то расстрел на месте.

Комиссар и особист, немного подумав, согласились с моим предложением. С остальными обошлись так же. Да, свои гимнастерки они не меняли, поскольку и так были рядовыми, но винтовки побросали. Значит, тоже в строй под жесткий контроль. Сумеют свой страх преодолеть – простим. Не сумеют – придется потратить на них боезапас.

Ну вот. Только мы закончили с трибуналом, как снова приказ на выступление. Понятное дело, нужно использовать любой момент, когда возможно скрытное движение. Поскольку с трибуналом на какое-то время мы закончили, то расширились возможности для обучения

¹⁰ Аня правильно спохватилась. Штрафные подразделения ввели по знаменитому приказу Сталина № 227 от 28 июля 1942 г. До этого времени в РККА никаких штрафных рот или батальонов не существовало.

новобранцев. Теперь уже все десять пограничников и я с Костей прямо на ходу работали с новичками. Известная поговорка: «Ноги работают – голова отдыхает». Так вот сейчас отдых – это непозволительная роскошь, поэтому во время движения без ущерба для скорости можно учить с бойцами устав, рассказывать азы боевых действий в составе отделения и взвода и т. п. А при остановках можно переходить и к практике. Само собой, что бойцы были недовольны, но справедливости ради отмечу, что недовольство было направлено не на нас, а на немцев. Потому что каждый боец уже на своей шкуре прочувствовал, что только умение воевать может спасти ему жизнь. А умирать никому не хотелось.

Лично я по ходу дела старалась сообразить, что еще мне следует сделать. Новобранцы в работе, трибунал пока не нужен, диверсантов пока не наблюдается, остаются отчеты разведчиков. Но полковая разведка – это не тот случай. Эти разведчики в тыл к немцам не ходят. У них другие задачи: выявление огневых точек противника, участие в разведке боем, снятие часовых перед наступлением и т. п. Мне же нужен минимум уровень дивизионной разведки, а еще лучше разведки нашей армии. Поэтому пора возвращаться к Астахову. Особисту я оставила в помощь шестерых пограничников. А сама с Костей и четверьмя пограничниками собралась в штаб армии. Но не тут-то было.

Вдруг неподалеку загрохотали взрывы. Я машинально взглянула на небо, но бомбардировщиков там не было. Самолетов в небе не было вообще, даже старого знакомого – «Хеншеля». А откуда же тогда взрывы? И тут я сообразила, что это бьет артиллерия. Причем, судя по тому, что взрывы раздаются совсем близко, стреляют не наши, а немцы. Вот попала так попала! До сих пор я пару раз побывала под бомбежками, но ни разу не оказывалась под арт-обстрелом. Все-таки штаб фронта – это не то место, где при более или менее нормальном развитии событий возможны схватки с немцами. А вот для армии, выходящей из окружения, это самое оно. И что мне теперь делать? Я совершенно растерялась.

Если бы я со своей группой входила в состав какой-нибудь роты или батальона, то вопросов бы не было. Получила бы приказ от соответствующего командира, и вперед. А тут прямого начальника у меня нет, и что делать, совершенно неясно. Под моим началом десяток хороших бойцов с автоматами и пулеметом. У меня у самой – снайперка. Заявить, что мы – военная контрразведка и должны отбыть в штаб армии? Это несерьезно и пахнет тем самым дезертирством, по поводу которого только закончились заседания трибунала. Да и что это за командир, который при первой же опасности валит в тыл, пусть формально и имеет на это право. Но кто укажет мне позицию и отдаст приказ? И абсолютно неизвестно, с кем и как моя группа должна взаимодействовать. При этом в памяти всплыли какие-то отрывки текстов, в которых рассказывалось, что обычно пехота наступает на небольшом расстоянии от границы поражения снарядами. Если считать дистанцию разлета снарядных осколков с поражением живой силы примерно пятьдесят метров, то пехота может спокойно наступать, выдерживая дистанцию не более ста метров. А сто метров человек, бегущий рысдой, преодолевает меньше чем за минуту. Значит, у меня на все про все будет не более тридцати секунд с того момента, как прекратится обстрел.

Только я приготовилась высунуться из перелеска, чтобы увидеть, что на самом деле творится впереди, как около меня неожиданно нарисовался какой-то капитан.

– Товарищ лейтенант, у вас снайперская винтовка. Помогите снять корректировщика. Иначе нас здесь быстро всех перемелют.

– Я готова, только дайте мне человека, который укажет, где находится этот чертов корректировщик.

Капитан озадаченно посмотрел на меня, но быстро врубился. Он сообразил, что сотрудник контрразведки не обязан знать, где и как располагаются корректировщики артиллерийского огня.

– Берите свою группу и за мной.

Я махнула рукой и побежала за капитаном. Мои ребята не отставали. Я еще успела подумать, что с командой мне повезло. Мы выскочили на небольшой пригорок, и картина открылась как на ладони. Оказывается, за тем леском, в котором находились остатки нашей дивизии, простиралось большое поле. Слева располагалось село, от которого в нашем направлении двигались четыре немецких танка и бежала пехота. Где находились орудия, обстреливавшие наши позиции, я не поняла, но это, видимо, хорошо знал капитан. Он скомандовал нам всем залечь, после чего обратился ко мне:

– Смотри, лейтенант. Вон слева церковь с колокольной. Это одна точка. Но вон правее стоит высокая береза. Он может быть и там. Ищи и помни: если в ближайшие пять минут ты не уделаешь этого гада, то нам всем тут хана.

Так, это уже нечто среднее между «хреново» и «очень хреново». Расстояние до объектов я оценила метров в пятьсот. На таком расстоянии в корпус попадаю. Но это в целый корпус, а наблюдатель наверняка лежит с биноклем или стереотрубой и еле виден. Значит, в качестве мишени будет только голова. Маловата мишень. А на березе его вообще не увидеть за листвою. Хотя листву он вроде бы должен немного оборвать, чтобы лучше видеть противника. Ага, сообразила.

– Костя, ко мне.

Когда Костя, сгибаясь, подбежал, я скомандовала:

– Видишь березу? Залегай справа от меня метрах в десяти и бери эту березу на мушку. Заодно присмотрись к колокольне. Жди команды. В случае чего прочешешь сначала березу, а потом колокольню. Выполняй.

Костя отбежал, а остальным я приказала залечь и окопаться. Надо бы и мне окопаться, но не до этого. На всякий случай я приказала ближайшему бойцу выкопать хотя бы небольшой окоп и на мою долю.

Итак, что мы имеем? Колокольня. С нее наблюдать лучше всего, так как высокая и каменная. Я стала внимательно изучать проемы. Все-таки хороший у меня бинокль! Довольно быстро я углядела блеск стекол. Наверное, корректировщик не рассчитывает на снайпера у противника и не сильно беспокоится о маскировке. Вот только как его снять с первого выстрела? А то ведь спрячется. Придумала. Взяла его на прицел, не забыла сделать поправку на небольшой ветер и крикнула Косте:

– Только по березе, огонь!

Дисциплинированный Костя добросовестно хлестанул из своего пулемета по березе. Я тем временем выстрелила по корректировщику. Повезло, попала с первого же выстрела. Но если бы и промахнулась, то мой выстрел не ухватили бы за свистом пуль из пулемета.

Ой, а что это? С березы тоже кто-то свалился. Вот гады! Так они свою систему задублировали. Ну ничего, мы кончили обоих наблюдателей. И что теперь? Понятно что.

– Костя, очередь по колокольне и немедленно отходим.

Глава 8

Вовремя мы отбежали, потому что на нашем месте вдруг вырос куст взрыва. Это расерженные немецкие танкисты ликвидировали нашу огневую позицию. Зато после еще одной партии взрывов артиллерия притихла. Около меня снова появился капитан:

– Спасибо, лейтенант. Век не забуду, но бой только разгорается. Давай со своими бойцами к моей роте.

Уф, слава богу! Есть кто-то, кто будет отдавать команды. Вот теперь повоюем! Мы перебежали на новую позицию. Там я распределила своих: Костю с тремя бойцами на правый фланг, причем один из бойцов должен был не стрелять, а готовить запасную позицию для пулемета. Я твердо помнила, что по пулеметчикам стреляли в первую очередь, поэтому нужно принимать особые меры предосторожности. Для себя я выбрала позицию в центре и оставила при себе двоих, причем одному из них тоже велела сначала подготовить для меня запасную позицию. Остальных отправила на левый фланг. Для чего нужно так заботиться о флангах, я не знала, но твердо помнила, что во всех книжках про войну именно флангам уделяли особое внимание. Думая про все это, я не забывала окапываться. Да, еще несколько таких дней, и я буду копать не хуже небольшого экскаватора. Хорошо еще, что земля тут мягкая. Был бы суглинок – вот тогда бы поплясали.

Конечно, хорошо иметь окоп полного профиля, да вот только немцы ждать не будут. Вон они в сопровождении танков уже подошли на расстояние около двухсот метров. А ведь это расстояние действительного огня из автоматов. Одно спасает – у этих немцев почему-то не автоматы, которые я всегда привыкла видеть в кино, а карабины. Точность у карабинов, разумеется, выше, но зато скорострельность заметно ниже. А при наступлении, наверное, важнее все-таки скорострельность. Ну все, мы готовы, пора начинать. Одна только проблема: танки. У моих бойцов противотанковых гранат вообще нет. И бутылок с горючей смесью тоже. Так что против танков мы – пас. Поэтому на данный момент тактика простая: несколько очередей по пехоте и смываемся, пока танки нас не раскатали. Потом будем отстреливаться уже из леса – там танкам особо не развернуться. Но пока я об этом думала, рядом произошло какое-то шевеление, и в кустах по соседству появилась небольшая такая пушечка. Насколько я поняла, пушечка была противотанковая. Вот теперь все на месте и можно воевать.

– Костя, огня пока не открывай. Подпусти поближе. Начну я, потом автоматчики, а когда немцы совсем раззадорятся, тогда и ты присоединяйся.

– Понял, товарищ лейтенант.

Н-да. После боя нужно будет что-то поменять. Не кругло как-то получается. Я его коротко по имени, а он меня длинно величает по званию. Теперь стало понятно, почему у спецназовцев вместо имен короткие клички – некогда во время боя длинные имена и звания произносить. Обязательно введу такую же систему. А сейчас пора.

Немцы – народ очень дисциплинированный. Об этом знают все. А в армии – дисциплинированный вдвойне. Каждый приказ командира выполняется немедленно и предельно точно. Значит, нужно в первую очередь убирать именно командиров, чем я и занялась. С расстояния двести метров для моей «светки» это не составляло никакого труда. Ага, а вон плюхнулись на землю пулеметчики. Хотят меня, горемычную, продырявить. А меня спросили: хочу ли я ходить с дырками?! Не спросили, а я и без вопроса скажу – не хочу. Поэтому, временно оставив командиров, я занялась пулеметчиками. Очень, как выяснилось, вовремя. Тут я услышала, как в бой включился Костя. Автоматы пограничников уже работали без перерыва. Немцам это все не понравилось, и они попятились назад, стараясь укрыться за танками. Но тут наша соседка-пушечка выпустила несколько снарядов, и один танк загорелся, а у второго разбило гусеницу. Надо же, а ведь отбились! Немцы повернули и бодро так порысили назад в село. Я решила их

немного подогнать, и несколько человек получили еще пули в спины. Все равно за трусость их по головке не погладят. Так что я упростила для них ситуацию.

– Спасибо, лейтенант.

А кто это? Повернулась, а рядом со мной стоит уже не капитан, а майор и продолжает:

– Ты со своими бойцами очень помогла моему батальону. Теперь мы уже и сами справимся, а ты можешь возвращаться к себе в отдел. Астахову привет передавай от Вересова.

– Передам, товарищ майор. А можно от вас получить справку, что и как мы тут делали?

– Ух ты. Чернильная душа. Ладно, подожди пару минут, и будет тебе справка.

И действительно, не через две, но через пять минут мне принесли справку о том, что мое подразделение принимало участие в боевых действиях. Что мы ликвидировали двух корректировщиков и огневой поддержкой обеспечили левый фланг батальона. На наш счет кроме корректировщиков майор записал восемнадцать немцев убитыми и ранеными. Лично мне показалось, что только я застрелила около пятнадцати человек, да еще погранцы и Костя с пулеметом. Ой, думаю, что не меньше тридцати немцев. Впрочем, майор старше по званию и возрасту – ему виднее. В конце концов, я не жадная. А теперь, раз отпускают, то это уже не бегство, а маневр. Немного скорректировала численность оставляемых бойцов. С собой, кроме Кости, я взяла пятерых пограничников и отправилась в штаб армии. Вторую пятерку оставила на пару дней для продолжения занятий с новобранцами, точнее, с теми, кто уцелел после сегодняшнего боя. Думаю, что скорость обучения в такой обстановке будет существенно выше, поскольку никого уже не нужно уговаривать. Они сами видят, кто выживает в бою.

Загрузив в коляску мотоцикла Костю с его пулеметом и усадив сзади одного погранца, я потихоньку, чтобы не отстали остальные четверо, двинулась к штабу армии. Была у меня мысль послать кого-нибудь за трофеями, брошенными немцами при отступлении: еще один пулемет, да и патроны к нему нам очень быгодились, но подумала, что обиженные немцы могут позвонить и наядбедничать на нехороших русских толстому дяде Герингу. А тот, чтобы отомстить, пришлет своих летчиков. Поэтому решила не задерживаться. И ведь как в воду глядела. Только-только мы успели перебраться в другой лес, как сзади в небе послышалось гудение. Оглянувшись, я увидела несколько «Юнкерсов» в сопровождении двух истребителей. Они как раз начинали заход на позицию дивизии, но там тоже кое-что было. Снизу захлопали зенитки, что немцам сильно не понравилось. Вместо пикирующего прицельного бомбометания им пришлось сбрасывать бомбы со значительной высоты, что заметно снизило точность попадания. Будем надеяться, что сильный вред дивизии они не причинят.

Астахов выслушал мой доклад, прочитал записку от майора и кивнул – он, мол, ничего другого от меня и не ожидал.

– Вы хорошо там поработали, товарищ Северова. Теперь пообедайте и направляйтесь в разведотдел армии. Ознакомьтесь с документами. Может быть, найдете что-нибудь интересное.

Я сунулась со своим котелком к повару, получила от него небольшую порцию каши, которую тут же умяла. Хотелось еще, но в окружении продукты всегда начинают экономить, поэтому мысли о добавке пришлось отбросить как несвоевременные. Впрочем, у меня вместо положенного курева есть положенный так же шоколад. Его употребила с чаем, и стало легче. Уже с ощущением относительной сытости спокойно направилась в разведотдел армии. Там я обнаружила майора, который сидел с отсутствующим видом. Понятно, что тоскует, но непонятно, по какой причине. На мою просьбу о бумагах отреагировал спокойно: сунул руку в стоящую рядом коробку и вытащил оттуда две тонкие папки.

– Это все? – Я не смогла сдержать разочарование.

– Так точно, все. А что вы хотите? Мало того, что сейчас все в движении и трудно найти приличного языка, чтобы хотя бы лейтенантом оказался. Так еще за последние два выхода я потерял трех отличных ребят, а притащили всего одного ефрейтора. Мне вот сегодня нужно

отправить группу, а где ее набрать? Тех, кто только вернулся, посылать нельзя. Они устали и ничего стоящего сделать не смогут. Им нужно хотя бы сутки отдыха. Иначе проще их сразу послать в атаку на пулеметы. Есть трое отдохнувших, но этого мало. Нужны минимум четверо, а лучше пятеро, потому что командарм требует хорошего языка, грамотного, в звании не ниже майора. Тут трое просто не справятся.

Правильно говорил товарищ Жуков, что я все время ищу на свою ж... приключений. Или на меня так подействовал угнетенный вид майора, что я, забыв все свои убеждения и предупреждения старших товарищей, не выдержала:

– Один человек, товарищ майор, – это я. А если вам годится хороший пулеметчик, то будет еще один.

Майор недоверчиво посмотрел на меня:

– А что вы, товарищ лейтенант госбезопасности, умеете делать как разведчик? Это вам не людей на улице хватать в компании энкавэдэшных волкодавов.

– Так я, товарищ майор, сама из этих, как вы говорите, волкодавов. Я месяц преподавала в роте НКВД рукопашный бой. И кроме того, незадолго до начала войны в общей сложности около двух недель тренировалась в разведроты под командованием майора Ипполитова.

Майор скептически посмотрел на меня и неожиданно скомандовал:

– Пошли.

Он привел меня на небольшую полянку и, став в стойку, предложил:

– Нападай.

Я оценивающе посмотрела на него. Судя по положению корпуса и ног, он долго занимался боксом. Наверное, дошел до уровня первого разряда, если не выше. Это ему и в плюс, и в минус. В плюс: отличная, отработанная до автоматизма, реакция на удары руками в лицо и корпус, а в минус: недооценка ударов ногами. Кроме того, боксеры привыкли к тому, что удары наносятся руками поочередно, или, как у них говорят, сериями. Приняв решение, я резко ударила его ногой по ноге на уровне верхней трети голени. Точнее, попыталась ударить, так как он успел убрать ногу, но при этом я нанесла ему два одновременных удара руками. На удар в лицо он среагировал и закрылся, а удар в солнечное сплетение пропустил. Разумеется, я была с дозированной силой, поэтому за пару минут майор продышался.

– Так, насчет волкодава верю. Верю, что в разведке вы не станете обузой. А что по поводу вашего пулеметчика?

– Имеет опыт финской войны.

– Ну что же, пулеметчик в разведке тоже нужен. По крайней мере, прикрывать отход группы в случае чего. Зовите своего пулеметчика.

Майор послал вестового за командиром формируемой разведгруппы, а я отправила Климата за Костей. Пришли они почти одновременно. Командир разведгруппы оказался высоким худощавым старшим лейтенантом.

– Вот, Скворцов, тебе усиление.

Скворцов обиженно посмотрел на майора:

– Товарищ майор, вы что, мне не доверяете и отдаете под команду товарищу лейтенанту госбезопасности?

– Ты не понял, Скворцов. Не тебя отдают в подчинение лейтенанту госбезопасности, а лейтенантом и сержантом усиливают твою группу. И командовать этой группой будешь ты. А лейтенант пойдет твоим заместителем.

При этих словах взгляд Скворцова поменялся. Он скептически посмотрел на меня, но вместо того, чтобы спорить с майором, подошел, ухватил за плечи и попытался силой свалить. Я кое-как удержалась, почувствовав при этом, что силы у парня более чем достаточно.

– Что умеете, товарищ лейтенант госбезопасности?

– Рукопашный бой, стрельба с обеих рук, нож до десяти метров, но только правой рукой. Гранаты кидаю плохо. Хорошо лазаю на деревья.

– Пройдите вперед метров двадцать и вернитесь.

Я прошла, не очень понимая, зачем это нужно.

– Хм, потише бегемота, но для разведки шумновато.

А, так вот зачем. Я повторила, стараясь двигаться как можно тише. Этому Ипполитов нас учил.

– Ну, это уже терпимо. Теперь вы, сержант.

Костя ходить умел и умел хорошо кидать гранаты.

Так что в группу прикрытия старлей его взял. После этого Скворцов обратился ко мне:

– Товарищ лейтенант госбезопасности. Вы старше меня по званию, но если твердо решили идти с нами в разведку, то с момента выхода и до возврата команду только я. И никаких пререканий. От этого будет зависеть успех операции и наши жизни. Согласны на эти условия?

– Так точно, товарищ старший лейтенант. Согласна.

Старлей, наконец, улыбнулся и представился:

– Федор.

– Аня.

– Идемте со мной, вам надо переодеться.

– Одну минуту. Товарищ майор, договоритесь, пожалуйста, с полковником Астаховым. А то я сунулась со своей инициативой, его не спросив.

– Хорошо, прямо сейчас пойду к нему. Думаю, что отпустит, потому что положение у нас критическое: без хорошо информированного языка очень трудно выбрать правильное направление для вывода армии из окружения.

Майор отправился к Астахову, а мы пошли со старшим лейтенантом. Он помог подобрать нам маскировочные костюмы. Потом нас накормили и велели три часа спать. Как раз до полной темноты. Вот такие приказы я люблю.

Разбудили нас около двадцати трех. Вся наша группа оделась, выслушала подробный инструктаж. Присутствовавший при этом майор сказал, что с Астаховым все согласовал. Потом мы с Костей под присмотром одного из разведчиков обмотали тряпками пулемет и винтовку. К моему удивлению, никто не стал мазать руки и лицо чем-нибудь черным. Тут я не выдержала и, спросив разрешения, нашла в остывшем костре сажу, которой разрисовала свое лицо, включая веки, и руки. Старлей минутку подумал, после чего приказал всем сделать то же самое. Затем мы старательно попрыгали и, убедившись, что никакого звяка или бряка не слышно, пошли в ночь.

Насколько я поняла, на наш рейд отводилось двое суток. Старлей Федя рассчитывал на то, что, пока нет устоявшейся линии фронта, мы в темноте без особых проблем пройдем порядка десяти километров. Потом устроим засаду, днем сориентируемся, что, как и где. Вечером захватим языка и в следующую ночь вернемся. План хорош, вот только что будет на самом деле, никто не знает. Но, как говорится, глаза боятся, а руки делают.

Через километр ночного пути стало понятно, что ездить на машине – это одно, а переться в темноте с солидным грузом за спиной – это совсем другое. Только сейчас я сообразила, что ночные тренировки при мне Ипполитов не проводил, поэтому приходится осваивать это дело прямо сейчас. Хорошо еще, что физические кондиции у меня в норме, потому что до сих пор удавалось и высыпаться, и питаться более или менее нормально. По дороге я все думала над тем, как буду отмазываться у Жукова. Решила напирать на то, что в окружении неизвестно, где найдешь и где потеряешь. Может быть, слепой прорыв из окружения гораздо опаснее вот такого рейда, который, в случае удачи, поможет успешному выходу остатков всей 3-й армии.

Так как ночью по лесу даже подготовленный человек не пройдет, старлей вел нас по узенькой тропинке, идущей параллельно довольно широкой грунтовой дороге, по которой, на наше счастье, никто сейчас не ездил. Впрочем, я уже знала, что немцы, за исключением крайних ситуаций, ночью предпочитают спать, а не шастать по лесам. Типа: прорвались, окружили противника, теперь выставляем караулы и дозоры, после чего ложимся спать. Тем более что ночью и от самолетов никакого толку. А завтра с утра со свежими силами будем окруженцев додавливать. Так что часов до шести утра мы двигались без особого труда. Потом, когда стало заметно светлее, сместились дальше в лес и шли еще часа три. Наконец старлей решил, что пора сделать привал. Выставил часового и всем остальным велел отдыхать. Через полчаса приказал завтракать.

Сам Федор, быстро смолотив свою порцию, вытащил карту и стал что-то на ней рассматривать и кумекать. Потом обратился к нам, и вот тут я поняла, что мое нахальство и авантюризм – это бесконечно малая величина по сравнению с авантюризмом старшего лейтенанта Скворцова. Он предложил добывать языка днем. По словам Федора, по этой дороге часто ездят небольшие колонны и даже отдельные автомобили. В прошлый выход он наблюдал эту дорогу, но к тому времени у них в группе уже было двое раненых, поэтому о языке пришлось забыть. А у нашей свеженькой и полностью укомплектованной группы есть все шансы. Дорога эта идет вдоль леса. С другой стороны большое поле с естественными неровностями. В начале и в конце нужного нам отрезка дороги небольшое возвышение, то есть дорога сначала немного спускается вниз, идет так чуть больше километра и потом плавно поднимается на пологий холм. За холмом, в двух километрах, согласно карте, село. В селе, несомненно, уже есть немецкий гарнизон, но еще не обустроенный.

Если, согласно плану, предложенному Федором, мы расстреляем небольшую колонну, то у нас будет около трех – пяти минут, чтобы ухватить языка и удрать в лес. Путь отхода уже намечен. По плану со стороны леса располагаются Костя и один из разведчиков. Мы с Федором маскируемся в поле. Еще один разведчик со стороны леса на подстраховке. Только сейчас мне стало понятно все коварство старлея Феде. Если бы не требование строгого выполнения его приказов, то я почти наверняка отменила бы этот план как исключительно ненадежный и авантюрный и предложила бы поискать другие, более разумные варианты. Но тут деваться было некуда, поэтому я тщательно замаскировалась в поле. Более того, на всякий случай подготовила себе и запасную позицию – мало ли что. Федор залег метрах в десяти от меня. После этого мы затихли и стали ждать.

Глава 9

Ожидание затянулось. Нет, дорога не то чтобы совсем пустовала. Но отдельные телеги с возчиками или небольшие танковые колонны по вполне понятным причинам нас не интересовали. Тем временем начало припекать солнышко. А под июльским солнцем в маскхалате становится жарко, начинаешь потеть. И между прочим, на запах пота летит всякая гадость – то ли слепни, то ли оводы. Про мух я уже не говорю. И ведь шелохнуться нельзя – заметят. Короче, ситуация постепенно приближалась к критической. Я уже стала думать, что пора от плана А переходить к плану Б, вот только была одна загвоздка – не было у нас плана Б. Забраться ночью на территорию охраняемой части и выкрасть оттуда офицера, не подняв при этом тревогу, можно только в книжке. К счастью, мои печальные мысли прервались в самом начале, так как вдали показалась открытая машина, в которой я с помощью бинокля углядела водителя и двух пассажиров на заднем сиденье. После того как машина не очень быстро съехала с холма, оказался небольшой грузовичок, в котором сидели немцы. То ли десять, то ли двенадцать человек. Точно мне сосчитать не удалось. Пока передняя машина добиралась до намеченной нами точки, я сумела рассмотреть, что из двоих сидевших сзади один выглядит лет на тридцать, а второй лет на сорок или постарше. Почти наверняка оба они офицеры, так как не сидели бы они рядом, если бы один из них был заметно ниже чином. А если бы оба были из нижних чинов, то не дали бы им грузовик с охраной.

Как только передняя машина приблизилась к нам на расстояние менее ста метров, Федор подал сигнал, и со стороны леса тут же заговорили пулемет и автомат. Это Костя с напарником выводили в расход охрану на грузовике. Я же первым выстрелом сняла шофера, а потом взяла на прицел оказавшихся весьма шустрыми пассажиров. Они выбрались из машины и залегли лицом к лесу, спрятавшись, как им казалось, за корпусом легковушки. При этом мне очень не понравилось, как вылезал тот, кто помоложе. Он не выскочил, а буквально вылетел из машины и еще в полете успел выхватить пистолет и выстрелить в сторону леса. Тренированный, черт. Вот второй – тот выползал как надо, то есть цепляясь и дергаясь. Но все-таки выполз довольно шустро и тоже вытащил пистолет.

Я решила, что молодой представляет большую опасность, и выстрелила ему в руку. Попала, так как он выронил пистолет и схватился за раненую руку здоровой рукой. Что-то сделал, кажется, прижал руку к туловищу, после чего подхватил пистолет левой рукой. Вот шустрик! Он и левой рукой может стрелять. Но поражать в левую не очень хочется – еще истекает кровью, а нам он живой нужен, и чтобы ножками мог передвигать. Я взяла и всадила пару пуль рядом с его левой рукой. Тут до них обоих дошло, что кузов машины их не спасет, так как не защищает от стрелков со стороны поля. Они о чем-то переговорили, после чего пожилой вытащил белый платок и помахал, а молодой на чистом русском языке крикнул: «Не стреляйте, мы сдаемся!» Федор чуть приподнялся и что-то крикнул им на немецком, после чего оба немца встали, дружно выбросили пистолеты и отошли на пару шагов влево.

– Аня, проверь грузовик. Не хочу получить пулю в спину.

Сам Федор побежал к тихо стоявшим немцам. От леса к ним спешил Костин напарник. А мы с Костей подбежали к грузовику, где я, не раздумывая, провела из «парабеллума» серию контрольных выстрелов. Так оно надежнее. Потом мы быстро обшарили всех убитых солдат на предмет их солдатских книжек – я хорошо запомнила совет Астахова. Тем временем Федор увязал обоих пленных, а его подручный почистил салон машины на предмет документов. Особенно меня порадовал пухлый портфель одного из немцев. Наверное, там есть на что посмотреть. Напоследок я подобрала с земли оба пистолета. Один оказался «парабеллумом», что меня порадовало, так как я сразу смогла восстановить запас патронов. Тем временем Федор снова проявил свою наглость:

– А что, товарищи бойцы. Нас тут пятеро плюс два языка. Автомобиль нас всех вместит. Поехали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.